

МАРК МИРСКИЙ
НИКОЛАЙ БОГОЯВЛЕНСКИЙ

МЕДИЦИНА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Марк Мирский

Медицина Древней Руси (сборник)

«Алисторус»

2018

УДК 61(091)(47)

ББК 5г

Мирский М. Б.

Медицина Древней Руси (сборник) / М. Б. Мирский —
«Алисторус», 2018

ISBN 978-5-907024-14-4

В книге дается современная трактовка истории медицины России. Авторы – историки медицины – черпают сведения из огромного массива источников различного характера: лечебников, летописей, житий святых и даже книжных миниатюр, что позволило им осветить совершенно различные – и до сих пор спорные – вопросы развития древнерусской медицины. В книге говорится о применении медицинских знаний в Киевской Руси, о монастырской медицине, об индийском врачевании в Древней Руси, о средневековой хирургии, об организации врачебного дела. Подчеркивая оригинальные черты и определенную самобытность российской медицины, авторы вместе с тем показывают интернациональный характер ее развития.

УДК 61(091)(47)

ББК 5г

ISBN 978-5-907024-14-4

© Мирский М. Б., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

Медицина Древней Руси	6
Глава I. Медицина Древней Руси (X–XIII вв.)	6
Глава II. Возрождение российской медицины (XIV–XVI вв.)	30
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Марк Мирский, Николай Богоявленский

Медицина Древней Руси

Сборник

© М. Б. Мирский, Н. А. Богоявленский, 2018

© ООО «Издательство Родина», 2018

* * *

Медицина Древней Руси

Глава I. Медицина Древней Руси (X–XIII вв.)

Древняя Русь (или, по-другому, средневековая Россия), раскинувшаяся на просторах Восточной Европы, была в период Средневековья одним из значительных государств. Возникнув в IX в. на месте небольших княжеств, она быстро стала могучей державой, обладавшей, в частности, довольно высокой культурой, в том числе медициной.

Однако медицина Древней Руси до сих пор, как ни странно, не была предметом обстоятельного и глубокого изучения. Разумеется, в какой-то мере ее касались все, кто, описывая историю отечественной медицины, старался выяснить ее корни и истоки. Но при этом обращают на себя внимание три немаловажных обстоятельства. Во-первых, большинство авторов учебников и иных обобщающих трудов, явно злоупотребляя пересказом общеизвестных фактов, начинают свое повествование со времен Киевской Руси (IX в.), игнорируя, по сути, большую и славную предысторию – праславянскую медицину; так же поступали фактически и авторы немногих специальных работ (Н. П. Загоскин, 1891; Л. Ф. Змеев, 1896; М. Ю. Лахтин, 1906; Н. А. Богоявленский, 1960 и др.). Во-вторых, о врачах Древней Руси (о врачах-монахах, мирских врачах, а также о волхвах и других целителях) говорилось немного, их лечебные действия – и, так сказать, терапевтические, и в особенности хирургические – за немногими исключениями практически не анализировались. В-третьих, совершенно недостаточно изучалась роль Православной церкви, особенно монастырей, в приумножении медицинских знаний Древней Руси, да и в оказании необходимой помощи болящим и страждущим в монастырских больницах.

Перефразируя древних летописцев, можно сказать, что, хотя вопрос о том, «откуда есть пошла медицина Руси», интересовал и продолжает интересовать многих исследователей, полного разрешения он пока еще не получил.

В истории медицины Древней Руси (а изучение этой истории, вне всякого сомнения, должно базироваться на анализе первоисточников, прежде всего древнерусских летописей) целесообразно, на наш взгляд, различать несколько этапов. Это праславянская медицина (VI в. до н. э. – VIII в. н. э.), медицина периода Древнерусского государства (IX–XIII вв.), медицина периода возрождения русской государственности и культуры (XIV–XVI вв.), медицина позднего Средневековья России (XVI–XVII вв.).

Праславянская медицина

История государства Российского, как шутили наши предки, «теряется во тьме веков». В шутке этой, как ни странно, скрыто много правды.

По современным представлениям, формирование славянства началось задолго до наступления нашей эры – в IV–III тысячелетиях до н. э. (Б. А. Рыбаков); высказано мнение, что следует различать две фазы формирования славянства – протославянскую стадию (XI–VI вв. до н. э.) и праславянскую стадию (VI в. до н. э. – VIII в. н. э.). Эти представления вполне укладываются в рамки так называемого автохтонистского направления археологии, исходным положением которого является включение в число прямых предков современных народов всех предшествующих обитателей территорий, занимаемых этими народами в настоящее время.

Как считает российский историк Б. А. Рыбаков, в середине II тысячелетия до н. э. начинает оформляться и обособляться массив праславянских племен в широкой полосе от Одера

до Днепра. А в VI–IV вв. до н. э. праславянское («сколотское») общество, занимавшее восточную половину общеславянской прародины, достигло высшего уровня первобытности. С этой эпохи, справедливо называемой скифской, и начинается полуторатысячелетний период, завершившийся созданием феодального государства Киевской Руси¹.

Доказано, что в VI в. н. э. в Среднем Поднепровье складывался мощный союз славянских племен; в этот союз входили поляне, древляне, кривичи, радимичи, северяне и др. Приняв имя народа Рос, или Рус, они объединились вокруг Киева. Возникшая «Русская земля» включала тогда Киев, Чернигов, Переяславль, Северскую землю, Курск. Другим центром русской государственности стал Новгород.

Древнерусское государство (Киевская Русь) IX–XII вв. было огромной страной, раскинувшейся от Балтики до Черного моря и от Западного Буга до Волги. Уже в X в. в Древнерусском государстве было свыше 20 городов, в том числе Киев, Белоозеро, Изборск, Коростень, Ладога, Муром, Новгород, Полоцк, Псков, Смоленск, Туров, Чернигов и др. А в X–XIII столетиях, до татаро-монгольского нашествия, на Руси было около 350 городов, а всего населенных пунктов – несколько тысяч². Городское население Руси, по мнению историка Г. В. Вернадского, к началу XIII в. составляло 13 % от общего количества (примерно 7,5 млн)³.

Главнейшие славянские города возникали по большим водным путям (великий волжский путь «из варяг в арабы», днепровский путь «из варяг в греки»). Об их величине и влиянии можно судить хотя бы по тому, что «мать городов русских» – древний Киев, согласно данным историко-археологических исследований, занимал площадь около 400 га; на этой площади в XII–XIII вв. могло проживать до 50 тыс. человек⁴.

Не исключено, что состав населения Киева, Новгорода, Пскова, Ладоги и других городов – центров цивилизации Древнерусского государства уже в VIII–IX вв. был полиэтническим, здесь жило немало пришельцев из разных стран, прежде всего из Византийской империи, а также из Скандинавии. Торговые и экономические интересы привлекали сюда людей из разных стран.

Многолюдные и богатые древнерусские города были центрами не только ремесленного производства и торговли, но и центрами культуры – важнейшей области общественной жизни, духовно-творческого потенциала народа.

Правда, «Древняя Русь не получила такого богатого античного наследия, как, например, Греция, Италия, Франция, Испания, – пишет Б. А. Рыбаков. – Однако культура Руси выросла не на пустом месте, и ее истоки идут из глубокой праславянской и даже еще более ранней индоевропейской древности. Значительное культурное наследие было получено той частью восточных славян, которая в первом тысячелетии до нашей эры входила в конгломерат племен, условно называемый Скифией»⁵.

На это же обращал внимание известный ученый Н. Я. Марр: еще в 1922 г. он считал, что вопрос о культурном наследии скифов очень важен «в связи с выяснившимся значением их древностей, с их ролью в мировых событиях эпохи, с их распространением от Черного моря до Закаспийской области, Туркестана и Малой Азии»⁶.

У скифов (этим именем античные авторы называли обширную этнокультурную общность, которую составляли многочисленные, отличавшиеся друг от друга по своей языковой

¹ Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1987. С. 755–756.

² Самоквасов Д. Я. Древние города России. СПб., 1873. С. 163.

³ Вернадский Г. В. Киевская Русь. М., 1996. С. 116.

⁴ Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 21.

⁵ Рыбаков Б. А. Начальные века русской истории. М., 1995. С. 343–344.

⁶ Марр Н. Я. Избранные труды. Т. 5. М., 1935. С. 42–43.

принадлежности и хозяйственному укладу племени степной, лесостепной и лесной зон Восточной Европы) была и своя медицина.

Следует, впрочем, отметить, что в прошлом веке некоторые историки, изучавшие культурное наследие скифов, полагали, что их медицина не представляла собой ничего оригинального. Например, А. Лаппо-Данилевский, ссылаясь, правда, на «недостаток данных», писал: «Медицинские средства скифов, прижигание и пускание крови представляют сходство с такими же средствами, например, у юраков, которые прижигают там, где крепко заломило, и пускают кровь из глазных вен для излечения от снежной слепоты, средства вообще довольно первобытные, не свидетельствующие в пользу какого-либо развития медицинских познаний среди скифских племен»⁷.

Согласиться с этим никоим образом нельзя, а «недостаток данных» – не оправдание для подобных выводов. На самом деле медицинские познания скифов, как считали даже их более просвещенные античные современники, достойны весьма высокой оценки.

Так, греческие и римские историки сообщали об использовании скифами различных лекарственных растений. Об этом писал, например, Плиний Старший (I в. до н. э.) в своей «Натуральной истории», подчеркивая, что «скифская трава» от болот Меотийских, а кроме этого и другие травы из других мест, перевозятся туда и сюда по всему миру для блага человечества». Это подтверждается более ранними данными Феофраста о так называемом «скифском корне», т. е. о той же «скифской траве». Римский историк Аммиан Марцеллин тоже упоминал о скифском корне – ревене, имевшем большое применение в древней медицине. Наконец, Пелагоний, врач, живший (как и Аммиан Марцеллин), во второй половине IV в. н. э., писал, что греческие и римские врачи пользовались для изготовления лекарств такими понтийскими (скифскими) травами, как понтийский абсинтий (горькое питье), понтийский ирный корень, понтийский заячий корень и понтийская шандра⁸. О распространении скифских лекарственных растений в Италии за несколько столетий до нашей эры сообщали, кроме того, Катон Старший и Плавт, жившие на рубеже III–II вв. до н. э.

Скифией и ее медициной интересовались и знаменитые врачи древности, и писатели (V в. до н. э.). Известно, что «отец медицины» Гиппократ побывал в Скифии, описал (в книге «О воздухе, водах и местностях») эту страну и ее обитателей. Он приводил и подлинные факты, например, о болезнях скифов, и легенды, например, о том, что у женщин-савроматов якобы нет правой груди, которую они удаляют. Аполлоний Родосский (III в. до н. э.) в своем «Походе аргонавтов» описал защищавшую от ран и ожогов «волшебную мазь Медеи», которую в Скифии готовили из сока растения, сверху похожего окраской на корикийский шафран, а в земле корень подобен свежерезанному мясу⁹, – писал знаменитый врач древности римлянин Гален (II в. н. э.) в своей книге «О сохранении здоровья». В другом сочинении («О противоядиях две книги») он описал противоядия боспорского царя Митридата (что косвенно подтверждает применение скифами ядовитых растений, таких, как анонит и др., в своей медицинской практике). Наконец, Орибасий (IV в. н. э.) лейб-медик императора Юлиана, в книге XV «Медицинских собраний к Юлиану» упоминал, что «к числу размягчающих скиры (твердые нарывы) лекарств принадлежит... и скифский бделлий, который и чернее, и смолистее аравийского... Скифский бделлий имеет очень действенные смягчающие свойства»¹⁰.

Существует мнение, что на основании свидетельств Плиния и других древних писателей можно сделать вывод, что именно скифы разводили лекарственные растения в огородах, садах, на своеобразных плантациях, как это было позднее в Древнерусском государстве, в средневе-

⁷ Лаппо-Данилевский А. Скифские древности. СПб., 1887. С. 173.

⁸ Вестник древней истории. 1949. № 4. С. 243.

⁹ Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 284.

¹⁰ Вестник древней истории. 1948. № 3. С. 251.

ковой России, на Украине. Иначе говоря, скифы культивировали лекарственные растения как одну из отраслей народного хозяйства¹¹.

Говоря о достижениях медицины скифов, нельзя не упомянуть об их познаниях в хирургии, о применении оперативных методов лечения (все это они, скорее всего, позаимствовали от греков). Например, на хранящейся в Эрмитаже знаменитой Куль-Обской вазе, найденной вблизи г. Керчь и относящейся к V–IV вв. до н. э., изображена хирургическая операция – скиф вправляет челюсть травмированному воину, удаляет зуб, перевязывает голень раненому. Некоторые хирургические инструменты и их изображения удалось обнаружить археологам в Чертомлыцком кургане (в среднем течении Днепра) и в других курганах, находившихся неподалеку.

Древнегреческий историк Геродот, побывавший в Скифии в V в. до н. э. и описавший ее жителей, свидетельствовал, что лечением больных там занимались колдуны и чародеи, позже – жрецы. Их практика не всегда приносила пользу, а при неудаче их, случалось, жесточайшим способом наказывали – сжигали.

В исторических сочинениях Геродота и Плутарха говорилось и о «профессиональных» скифских врачах, которые одновременно, правда, были и жрецами. Это, например, Абарис, жрец гиперборейского Аполлона: по Геродоту, Абарис приезжал в Дельфы, где с помощью лечебных средств и песнопений, использовавшихся тогда многими жрецами, он «изгонял болезни» и даже сумел якобы прекратить эпидемию чумы в Спарте. Известны были также скифские врачи Анахарсис, приехавший в Афины во времена Солона и славившийся, по Плутарху, «глубокой мудростью и воздержанием», и Токсарис – в Афины он прибыл вместе с Анахарсисом, был посвящен здесь в асклеиады и с большим успехом занимался медицинской практикой: существовала легенда, что якобы Токсарис «после смерти являлся на землю», чтобы прекратить чуму, вследствие чего афиняне соорудили ему памятник и ежегодно приносили в жертву белого коня¹².

И другие греческие и римские писатели (Лукреций Самосатский, например) сообщали о том, что во времена Солона (VII–VI вв. до н. э.) в Скифии, в Греции, в Афинах широкой славой пользовались такие скифские врачи, как Анахарсис, член царской семьи, один из семи мудрецов Древнего мира, и Токсарис – «муж мудрый, отличавшийся любовью к прекрасному и стремлением к благороднейшим знаниям, но происходивший не из царского рода и не из колпаконосцев (жрецов), а из толпы простых скифов, каковы у них так называемые «восьминогие», т. е. владельцы пары быков и одной повозки. Этот Токсарис... умер в Афинах и, немного спустя, даже был признан героем; афиняне приносят ему жертвы как иноземному врачу»¹³.

Как Анахарсис, так и Токсарис считались древними греками самыми крупными врачами. Вообще в Афинах всегда высоко ценили как скифских педагогов, так и врачей, даже во времена Гиппократов; особенно ценились скифские врачи как знаменитые диагносты и прогносты¹⁴.

Стоит упомянуть и о том, что на землях скифов, в Северном Причерноморье, существовало Боспорское царство. Последним его правителем был Митридат VI Евпатор, которого считают одним из знаменитых фармакологов и токсикологов Древнего мира. Центром его деятельности был город Пантикапей (Керчь). Митридат – крупный врач, автор ряда трудов в области медицины, которые, к сожалению, не сохранились. При дворе Митридата образовалось общество самых знаменитых ученых того времени, в их составе были и врачи. Митридат был изоб-

¹¹ Думка Н. С. Советское здравоохранение. 1956. № 5. С. 58.

¹² Ковнер С. История медицины. Ч. 1. Вып. 1. Киев, 1878. С. 126.

¹³ Вестник древней истории. 1948. № 1. С. 302.

¹⁴ Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. СПб., 1896. С. 101.

ретателем так называемого териака – древней панацеи против разнообразных заболеваний, в состав которого входило около 60 разных противоядий¹⁵.

Наконец, в Скифии, в том же Северном Причерноморье, в IV в. н. э. жил и практиковал знаменитый византийский врач Орибасий: в его трудах есть указания на его «скифскую» практику. Не исключено, что он помогал скифским врачам, может быть, обучал их.

Возникает, кстати, вопрос: существовали ли в Скифии какие-нибудь школы для обучения медицине? По мнению украинского историка Н. С. Думки, на этот вопрос можно ответить положительно, ибо имеются данные, свидетельствующие о возможности существования в Скифии медицинских школ или кружков, в которых молодежь обучалась врачебному искусству. Наличие в ряде греческих колоний, представлявших смешанные греко-скифские поселения, и в некоторых местностях внутри Скифии асклепейонов, при которых традиционно существовали медицинские школы, дает основание высказывать мнение, что именно в них обучалась не только греческая, но и скифская молодежь. Это тем более вероятно, что во времена Геродота и Гиппократов кастовая замкнутость врачей-асклепиадов была разрушена, и эти врачи обучали лечебным знаниям не только своих сыновей и родных, но и посторонних людей за хорошую плату, как это делали в то же время и в Греции «учителя мудрости» – софисты. Не исключена даже возможность существования отдельных, чисто скифских медицинских школ или кружков, где учеба шла только на скифском языке, тем более что скифский язык уже в V–IV вв. до н. э. имел достаточно богатый словарный фонд и развитую грамматику¹⁶.

Поучительно, что многие секреты скифской медицины стали затем известны римлянам. Знаменитый Гай Плиний Секунд в своей «Естественной истории» (I в. н. э.) описал, как это произошло: «Митридат... обладал особым интересом к медицине и, испытывая разные средства от всех своих подданных, которые занимали значительную часть Вселенной, оставил в своих тайниках ящики такого рода сочинений, образцы и описания их действий; а Помпей (римский полководец. – М.М.), овладев всей царской добычей, приказал своему вольноотпущеннику, грамматику Ленею, перевести их на наш язык, и, таким образом, его знаменитая победа принесла не менее пользы человеческой жизни, чем государству».

В своей книге Плиний описал ряд применявшихся скифами лекарственных трав. «Скифы первые открыли ту, которая называется “скифской”, – писал он, – она произрастает вокруг Меотиды, имеет очень сладкий вкус и чрезвычайно полезна против так называемых астм». Кроме того, он описывал «гиппану» и «акор», который «действует как горячительное и облегчающее средство, затем против подтеков и потемнения в глазах, а питье их сока – против ужаления змей».

Плиний особо подчеркивал, что «скифы лечат раны “скифской травой”... “Скифская трава” от болот Меотийских... а кроме того, и другие из других мест перевозятся туда и сюда по всему миру для блага человечества».

Плиний писал еще об одной лечебной траве: «“Безыменка” получила такое название за неприисканием другого; она привозится из Скифии, прославлена весьма авторитетным врачом Гикесием, а также Аристокитоном, и составляет превосходное средство для заживления ран, если прикладывается истолченной с водой, а в виде питья – против поражения груди и предсердия, а также против кровохарканья; советовали пить ее и раненым»¹⁷.

Достижения скифских врачей сохранялись веками. Так, через несколько столетий после Плиния довольно известный в Риме Марцелл, придворный врач императора Феодосия I (V в.

¹⁵ Думка Н. С. Указ. соч. С. 59.

¹⁶ Думка Н. С. Указ. соч. С. 59.

¹⁷ Вестник древней истории. 1949. № 2. С. 313–314.

н. э.), в «Книге о врачебных средствах» упоминал, что существует такое лекарство, как «красноватая скифская смола, которую другие называют писсасфальтом»¹⁸.

Но если об этих достижениях помнили на Западе, то, по всей вероятности, они сохранились и в памяти народа, народных лекарей, волхвов, тех, кто лечил и заботился о здоровье скифов: логично предположить, что они (целиком или частично) из праславянской древности перешли в «медицинский обиход» славян, использовались ими еще до принятия христианства.

Достижения праславянской (скифской) медицины, как и вообще скифской культуры, составили часть того культурного наследия, которое получили древние славяне. Это неоспоримый факт. «Внимания заслуживает, с каким бы интересом ни подходить к скифам, – с интересом ли доисторика, или историка, особенно историка культуры, – писал Н. Я. Марр, – лишь одно громадной важности обстоятельство, собственно непрекаемый факт: совершенно реальные достижения скифов в области материальной культуры, в том числе и открытие металлов, в особенности “золота”, и изобретение “плуга”, – настолько древнее явление, что они успели войти, еще до возникновения письменных источников истории, в систему космических представлений и до нас сохраниться в легендарных изложениях с приемами мифов»¹⁹. Впрочем, сведения о важной части скифской культуры – скифской медицине – сохранились, как показано выше, и в письменных источниках.

Наследие цивилизаций и знахарство

Каковы современные представления о генезисе древнерусской народности?

Известный российский историк В. В. Седов на основании анализа археологического материала сформулировал мнение о восточнославянской общности и ее предыстории. Он считает, что в X–XII вв. для всех городских поселений на обширной территории от Галицко-Волынской земли до Новгорода и от Полоцка до Суздальской земли был характерен высокий уровень развития различных ремесел. Культурное единство проявлялось в однотипном городском костюме и украшениях. Согласно письменным источникам, в XII в. существовало 220, а в начале XIII в. – более 300 городов. В действительности, по археологическим данным, насчитывалось более тысячи крепостей, усадеб-замков, волостных центров. Возникшая общность носила этнокультурный характер, о чем свидетельствуют однотипные курганные могильники (только 10–15 % курганов имеют региональные отличия). Все это свидетельствует о наличии сложившегося древнерусского этноса, который был единым, но не монолитным. Он объединял различные этнические компоненты (дунайские, скандинавские, византийские и др.)²⁰.

Культуру Древнерусского государства обогащали контакты как с Западом, так и с Востоком. Особенно важными были весьма плодотворные связи с Византией – хранительницей достижений древней цивилизации. Эти связи значительно расширились и укрепились после принятия Древней Русью христианства (X в.).

Христианизация славянского мира оказала решающее влияние на все сферы жизни общества, на трансформацию общественных отношений, что не могло не отразиться на характере, формах помощи и поддержки человека. Создавшаяся культурно-историческая ситуация потребовала иных принципов интеграции и иных форм поддержки и защиты. Именно с этого времени начинает формироваться христианская концепция помощи, в основе которой лежит философия деятельной любви к ближнему. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Данная формула становится нравственным императивом, определяющим сущность поступка

¹⁸ Там же. № 4. С. 251.

¹⁹ Марр Н. Я. Избранные труды. Т. 5. М., 1935. С. 223.

²⁰ Отечественная история. 2003. № 2. С. 209.

индивида. С другой стороны, она выражает сущность единения субъектов, становясь тем самым показателем принадлежности к определенной общности²¹.

Следует, впрочем, подчеркнуть, что тесные связи Древней Руси с Грецией, сопровождавшиеся проникновением достижений древнегреческой культуры, начались еще в дохристианские времена.

«Начиная с III в. до н. э. предки славян просачивались из Среднего Поднепровья на юг, к берегам Черного моря и низовьям Дуная, сливаясь с туземным населением, в котором была значительная примесь греков, – считает Б. А. Рыбаков. – Учитывая эти исторические условия, мы не будем удивляться тому, что древние связи славян с греками, носившие первоначально лишь характер торговых сделок в Ольвии, постепенно приводили к притоку славянского населения в греческие приморские города»²². Это касалось, конечно, не только Ольвии, но и Танаиса, Херсонеса, Пантикапея, других греческих поселений в Скифии.

Важнейшим этапом стало крещение Древней Руси (X в.). «Христианство было даже более важным для Руси, чем для некоторых стран Западной Европы. Оно передало этому обществу и государству многое из того, что было необходимо для его культурного прогресса, укрепления государственности, дабы Русь смогла занять подобающее ей место в кругу европейских держав»²³.

Византийско-православное наследие открыло русскому народу путь приобщения к культуре эллинизма, а через нее и к истокам культуры латинского Запада, Средиземноморья и Ближнего Востока. Длительная и основательная связь России с православной Византией позволила заложить основы русской культуры, сформировать универсальный, а не локально или этнически замкнутый тип культуры. «Только с принятием христианства, – писал С. С. Аверинцев, – русская культура через контакт с Византией преодолела локальную ограниченность и приобрела универсальное измерение. Она осознала себя самое и свое место в ряду, выходящем далеко за пределы житейской эмпирии; она стала культурой в полном значении этого слова»²⁴.

Русская культура Средневековья опиралась в своем развитии на те же содержательные основания, что и средневековая культура Запада. Опора на общие истоки предопределила сходство русской и западноевропейской культуры Средневековья. Вследствие этого и народы Европы, при всех различиях, составили единую семью христианских народов. Их культура, образ жизни, менталитет, традиции и многое другое приобрели черты схождения²⁵.

После принятия Древней Русью христианства наследие древней цивилизации стало как никогда раньше широко проникать в славянскую культуру, что явилось фактором огромной важности. «Нам не следует бояться признания огромной роли Византии в образовании славянской культуры, – писал Д. С. Лихачев, – посредницы и отдельных национальных культур славян. Славянские народы не были провинциальными самоучками, ограниченными своими местными интересами. Через Византию и другие страны они дышали воздухом мировой культуры, развивали свою общую и местные культуры на гребне общеевропейского развития. Их культуры для своего времени представляли собой в известной части итоги общеевропейского развития»²⁶. А древнерусская культура впитала в себя и византийские, и восточные, и северо-европейские элементы.

По мнению видного российского историка В. О. Ключевского, «известия XI и XII вв. говорят о знакомстве тогдашних русских князей с иностранными языками, об их любви соби-

²¹ Фирсов М. В. История социальной работы в России. М., 1999. С. 29.

²² Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 347–348.

²³ Шапов Я. Н. Тысячелетие введения христианства на Руси. М., 1993. С. 53.

²⁴ Аверинцев С. С. Крещение Руси и путь русской культуры // Страницы русской зарубежной печати. Мюнхен, М., 1988. С. 44.

²⁵ В. Ф. Шаповалов, 2001.

²⁶ Лихачев Д. С. Раздумья. М., 1991. С. 82–83.

рать и читать книги, о ревности к распространению просвещения, о заведении ими училищ даже с греческим и латинским языками, о внимании, какое они оказывали ученым людям, приходившим из Греции и Западной Европы. Эти известия говорят не о редких, единичных случаях или исключительных явлениях, не оказавших никакого действия на общий уровень просвещения; сохранились очевидные плоды этих просветительских забот и усилий»²⁷.

Развитие культуры в Древнерусском государстве обусловило возникновение в обществе слоя образованных людей, прежде всего монахов, но и светских людей тоже. Широкое развитие грамотности подтверждает сравнительно недавнее открытие при раскопках в Новгороде берестяных грамот XI–XV вв. Об этом свидетельствуют также обширные собрания книг: например, «книжный фонд Киевского государства в домонгольский период... исчисляется сотнями тысяч единиц»²⁸. А в XV в. Новгород, избежавший монголо-татарского нашествия, обладал, по некоторым предположениям, самым большим собранием рукописей в славянском мире: здесь при Софийском соборе продолжала существовать богатейшая на Руси библиотека, а также книжная мастерская со штатом книжников, переводчиков и писцов, в которой изготавливали книги (рукописи) самого различного содержания.

К великому сожалению, большинство произведений древнерусской письменности не дошло до нас – тому виной кровавое монголо-татарское нашествие, другие войны, пожары, прочие бедствия. Однако даже то немногое, что сохранилось, свидетельствует об общей высокой культуре Древнерусского государства.

Древние рукописи отражали, разумеется, представления своего времени о мироздании, о явлениях природы, о животном и растительном мире, о человеке. Так, в культурном наследии Древнерусского государства были обнаружены сочинения, содержавшие определенный теоретический материал о природе и человеке. Таковы были «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского (X в.), «Изборник Святослава» (XI в.), «Слово о правой вере» Иоанна Дамаскина (XII в.), «Христианская топография» Космы Индикоплова (XII в.), «Толковая Палая» (XII–XIII вв.), «Физиолог» (XIII в.) и другие подобные сочинения – большей частью переводные, но частью и «оригинальные».

Эти и другие подобные сочинения пришли на Древнюю Русь вместе с христианством, которое принесло на Русь славянскую письменность, ввело ее в семью христианских славянских государств, в систему христианских стран Европы с их культурными достижениями. «Принятое из Византии христианство сделалось основой для исключительно интенсивного потока текстов, хлынувшего в буквальном смысле на Русь, – считал Ю. М. Лотман. – Правда, картина здесь несколько усложнялась тем, что загоревшиеся от византийского факела южнославянские культуры уже вступили в стадию активного создания собственных текстов. Так что Русь получала как бы двойной их поток»²⁹.

Важно, что христианство принесло с собой многие достижения византийской, а через нее и античной культуры, в том числе и медицины. Неудивительно, что во всех этих сочинениях сказывалось влияние трудов Гиппократов, Аристотеля, Галена, Цельса, других классиков.

Например, в «Слове о правой вере» Иоанн Дамаскин (он жил в VII–VIII вв. н. э.) уделял внимание устройству человеческого тела, пересказывая, в сущности, то, что писал Гиппократ о четырех стихиях – он называл их четыре «изливе, рекше хуми», т. е. жидкости: земле отвечала в организме «черная кручина» (черная желчь), воде – «глен» (флегма), воздуху – кровь, огню – «желтая кручина» (желтая желчь)³⁰. Что касается характеристики органов и деятельности «чувства», то здесь Дамаскин повторял (в упрощенном виде) то, что писал Аристотель. За

²⁷ В. О. Ключевский о русской истории. М., 1993. С. 83.

²⁸ Галактионов А., Никандров П. История русской философии. М., 1961. С. 23.

²⁹ Византия и Русь. М., 1989. С. 233.

³⁰ Райнов Т. Наука в России XI–XVII веков. М.; Л., 1940. С. 85.

Аристотелем следовал в своем описании анатомии и физиологии человека и автор «Шестоднева».

В «Толковой Палее» тоже воспроизводилось гиппократовское учение об участии четырех стихий в составе человеческого тела; другие анатомические и физиологические сведения повторяли Аристотеля. Своеобразен был и «Физиолог» – пользовавшийся несомненной популярностью в Византии памятник александрийской эпохи, сочинение «биологического» содержания, написанное по-гречески в Египте во II в. н. э. и известное на Руси около XIII в., а может быть, и раньше.

В сочинении «О диете при острых болезнях», да и в других работах Гиппократ рассматривал пищу и, как мы говорим сейчас, диететику, как первейшее условие сохранения здоровья. В древнерусской литературе прослеживается эта же линия. «Изборник Святослава» (XI в.) содержал определенные гигиенические предписания, связанные, правда, с религиозными мотивами (посты, праздники и др.), но определенно примыкающие «к астрологическим воззрениям древности»³¹. Хотя и подчеркивалась необходимость питания, но указывалось, что не всякая еда идет на пользу человеку. Все-таки гигиенических предписаний было немного, преобладала «аскетическая» точка зрения. Собственно, такой же характер носили советы и предписания в других древних рукописях – таких, как «Златоструй» (XII в.), «Житие Феодосия Печерского» (XIII в.) и др.

В известном смысле, считал историк науки Т. Райнов, вся эта переводная литература является эллинистической, понимая под эллинизмом совокупность идей, в образовании которых в большей или меньшей степени участвовали элементы греческой науки в сочетании с мотивами восточного происхождения.

Известно, что в Византии было много различных медицинских сочинений (считается, что они появились под влиянием Гиппократа и Галена): данные об этом приводил, в частности, немецкий историк К. Крумбахер в своей «Истории византийской литературы»³². Не подлежит сомнению, что подобные сочинения существовали и в Древнерусском государстве. Об этом свидетельствует хотя бы практика успешно действовавших лечцов – «врачей-профессионалов»: приобрести и совершенствовать свои медицинские знания эти грамотные и образованные люди могли лишь с помощью сочинений древних врачей. Можно добавить, что, как свидетельствует древнерусская «Начальная летопись» («Повесть временных лет...»), киевский князь Ярослав Мудрый (XI в.) собрал писцов и вместе с ними переводил книги с греческого языка на славянский: «Ярослав... был склонен к книгам, читал их часто днем и ночью. Он собрал многих писцов и переводил с ними с Греческого на Славянское письмо, переписал много книг»³³. Логично предположить, что среди книг, переведенных под руководством Ярослава, были и чисто медицинские сочинения.

«Первые понятия о греческой медицине (а, следовательно, и о медицине Гиппократа и гиппократиков. – М.М.) распространились у нас посредством греческих (православных. – М.М.) монахов еще в XI и XII столетиях, – справедливо утверждал В. М. Флоринский, – и нет основания не допустить, что уже в это время были возможны переводы и переделки на русский язык латинских и греческих медицинских сочинений»³⁴. Можно еще раз пожалеть, что эти рукописи не дошли до нас...

Впрочем, еще до проникновения к нам, с христианством и византийской культурой, «греческой медицины», основывавшейся на достижениях античных врачей и мыслителей, охранять здоровье наших предков помогала народная медицина, которая была хранителем бесценного

³¹ Чебан С. Журнал Министерства народного просвещения. 1913. Январь. С. 101.

³² Krumbacher K. Geschichte der Byzantinischen Literatur. Muenchen, 1897. S. 613–620.

³³ Древнерусские летописи. М., 1936. С. 62.

³⁴ Флоринский В. М. Русские протонародные лечебники и травники. Казань, 1880. С. VIII.

опыта поколений. Используя достижения, корни которых уходили в седую древность, она в течение многих столетий питала и обогащала «медицинскую» практику, помогала заботиться о здоровье, применять наиболее рациональные способы борьбы с болезнями.

Правда, в народной медицине было немало иррационального, а порой и просто вредного, вредного для организма: связано это было со знахарством, широко распространенным в нашей стране (как, впрочем, и в других странах) в течение многих и многих столетий. Даже в конце прошлого века доктор Н. В. Слюнин, выступая 13 марта 1882 г. на заседании Общества русских врачей в Петербурге, отметил «широкое развитие у нас знахарства, порчи и лекарства; нет той деревушки, где не было бы злойшей знахарки»³⁵. О нынешних временах умолчу – что уж говорить о седой древности!..

Поэтому обладавшую вековым опытом народную медицину, важную и нужную саму по себе, выработавшую традиционные и во многом рациональные методы, следует отличать от знахарства (хотя и здесь было кое-что полезное, в частности, по использованию дикорастущих трав и других растений).

Знахарство – и тогда, и в последующем, вплоть до нашего времени, – включало как непременный атрибут различные заговоры, мало изменявшиеся по сути своей в течение столетий, но всегда исключавшие применение каких-либо материальных средств.

Заговоры эти представляли собой пожелания, которые должны исполниться с чьей-либо помощью – либо самого знахаря, либо языческих божеств, либо (в христианские времена) с помощью святых или даже самого Бога. Вот, например, каков был содержащийся в рукописном сборнике «Заговор от течения крови, троекратный»: «Должно смотреть на рану и прочитывать над нею сию молитву три раза. Молитва: “Кровь булат, мать руда, тело древо, во веки веков. Аминь”»³⁶.

Или «Записка от холеры»: «Напиши несколько записок нижеследующего содержания, и прилепи их в доме, по одной над каждой дверью и окном. Тот дом бывает охраняем Богом от болезни холеры. Молитва: “Иисус Христос с нами уставися, вчера и ныне и днесь, той же и во веки веков. Христос ненависти прогоняет, Христос в сем доме вездесущий у твоих раб, всегда и ныне и присно. Аминь”»³⁷.

«С принятием Русью христианства языческое врачевание, если и подвергалось каким-либо влияниям, – считал историк медицины А. П. Левицкий, – то... исключительно со стороны христианского мировоззрения, которое вошло в соприкосновение с языческим»³⁸. Этим, вероятно, и можно объяснить содержание заговоров, не противоречивших, на первый взгляд, христианским догматам.

Несмотря на, казалось бы, религиозную и христианскую основу подобных заговоров, трудно поверить, чтобы образованные, знакомые с основами медицины монахи-лечцы рекомендовали их вместо лечения. Все-таки это, по-видимому, плоды «творчества» самонадеянных «целителей», которых тогда на Руси было пруд пруди (во всяком случае, намного больше, чем сейчас, в наше цивилизованное время).

Разумеется, медицина Древнерусского государства вовсе не ограничивалась знахарством или применением народных средств врачевания. Являясь составной частью культуры, питаясь ее достижениями, медицина соответствовала ее общему уровню. «Греческое христианство, – утверждает Б. А. Рыбаков, – застало в 980-е гг. на Руси не простое деревенское знахарство, а

³⁵ Слюнин К. В. Материалы для изучения народной медицины в России. СПб., 1882. С. 2.

³⁶ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1867. Кн. 4. С. 166.

³⁷ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1867. Кн. 4. С. 167.

³⁸ Левицкий А. П. Медицинское обозрение Спримона. 1909. № 1. С. 85.

значительно развитую языческую культуру... Язычество Древней Руси IX – XIII вв. – важный раздел русской средневековой культуры»³⁹.

Волхвы, составлявшие, по Б. А. Рыбакову, основную часть жреческого сословия Древней Руси, занимались, в числе прочего, и лекарским знахарством – в этом им помогали женщины («ведьмы», от слова «ведать» – знать), которых позднее, в XII в., называли «бабы богомерзкие». Волхвы должны были, в частности, знать целебные свойства трав – это знание было результатом наблюдений, которые велись многими и многими поколениями, начиная, вероятно, еще от первобытного общества.

В общем, вполне правомерно считать, что волхвы были целителями, лечившими людей рациональными средствами народной медицины. Это подтверждают и записки путешественников, посетивших нашу страну в те далекие времена.

Так, в «Записке» арабского путешественника Ахмеда Ибн-Фадлана, который в 20-х годах X в. побывал в землях волжских булгар, хазар и русов, говорилось: «Когда один из них заболевает, то они разбивают ему палатку вдали от них, бросают его туда и кладут с ним кое-что из хлеба и воды, но не приближаются к нему, не говорят с ним, даже не посещают его во все время (болезни), особенно когда он бедный или невольник, Если он выздоравливает и встает, то возвращается к ним; если же умирает, то они его сжигают»⁴⁰. А в «Книге драгоценных сокровищ», написанной около 30-х годов X в., арабский писатель Ахмед Ибн-Даста отмечал: «Есть у них знахари, из коих иные повелевают царю, как будто они начальники их (Русов). Случается, что приказывают они приносить жертву творцу их, что ни вздумается им: женщин, мужчин и лошадей, а уж когда приказывают знахари, не исполнить приказания нельзя никоим образом»⁴¹, – речь здесь, очевидно, шла о волхвах.

Следует, однако, отметить, что и после принятия христианства долгое время, на протяжении столетий, волхвы – хранители богатейших медицинских познаний языческих времен – оставались одними из авторитетнейших врачей-целителей. К их услугам прибегали не только простые люди, но и аристократические слои общества, княжеские роды. Так, о князе Всеславе (середина XI в.) летопись сообщает, что «его же ради мати от вълхвованья»⁴².

Священнослужители нередко обращали внимание на то, что русские, сами язычники в недавнем прошлом, несли своих детей, обращались при болезни к волхвам, а не к священникам, не в монастыри. Это подтверждают, в частности, и приведенные в русских летописях факты. Так, Лаврентьевская летопись свидетельствует, что воевода Ян (1071 г.) сурово осуждал волхвов.

Распространенность этого явления в средневековой России подтверждают многие исторические источники. В «Повести временных лет» упомянуто (1071 г.), что «много волхвуют жены чародейством, и отравою, и иными бесовскими козньми»⁴³.

В другой летописи говорится о том, что «в лето 7006 (1498 г. – М.М.)... опалу положил князь великий (Иван III. – М.М.) на жену свою, на великую княгиню Софию (Софья Палеолог. – М.М.), о том, что к ней приходиша бабы с зелием; обыскав тех баб лихих, князь великий велел их казнити, потопити в Москве реке нощию»⁴⁴. А в начале XVI в. в волховстве подзрели даже жену Василия III великую княгиню Соломону (Соломонию), которую за это принудительно постригли в монахини. Даже в конце XVI в., в 1575 г., как свидетельствует летопись, «в Новгороде 15 жен, а сказывают ведуны, волхвы»⁴⁵.

³⁹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 5–6.

⁴⁰ Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 96.

⁴¹ Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 269.

⁴² Повесть временных лет. М.—Л., 1950, С. 104.

⁴³ Там же. С. 120.

⁴⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 6. СПб., 1853. С. 279.

⁴⁵ Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 288.

Еще в одной летописи указано, что в 1607 г. сожгли вора-еретика, старицу «Алену» вместе с чародейными (заговорными) бумагами и кореньями; она сама созналась, что портила людей и учила «ведовству». В 1674 г. опять сожгли женщину Федосью, невинно, как оказалось, оговоренную в порче⁴⁶.

В «Домострое» (XVI в.), представлявшем собой древнерусскую энциклопедию семейного быта, была в какой-то мере представлена и медицина. Используя, очевидно, различные источники, автор (это сочинение приписывается Сильвестру, священнику Кремлевского Благовещенского собора, бывшему одно время фаворитом Ивана Грозного) одну из глав посвятил тому, «како врачеватися христианам от болезни и от всяких скорбей». В главе этой описаны различные болезни – «от духов лукавых мучение, телу согнание, костем ломота, оток и опухоль на все уды, проходом обоим заклад, и камень в удах, и глухота и слепота и немота; во утробе терзание и блевание злое; и на низ, во оба прохода, кровь и гной, и сухотная и кашель; и главоболевание и зубная болезнь, и камчюг, и френъгючи, и расслабление и трясение, и всякие, тяжкие, различные недуги». Все это рассматривалось как «наказание гнева Божия». Характерно, однако, что в «Домострое» хотя и не было никаких конкретных советов по лечению болезней, все же содержалось серьезное предостережение: «Не призывающе к себе ни чародеев, ни кудесников, ни волхвов, ни зелейников: никаких бесовских врачеваний»⁴⁷.

Влияние волхвов, вера в их всемогущество сохранялись очень долго. «Такой для своей эпохи весьма даже просвещенный человек, как Иоанн IV (Иван Грозный. – М.М.), – отмечал историк медицины Ф. Л. Герман, – ...окруженный многими врачами, он перед смертью совещается с волхвами, которых собрали в России и Лапландии до 60, по случаю появления кометы, и которые, по словам летописцев, верно предсказали день его смерти»⁴⁸.

Да, неисповедимы мысли и поступки сильных мира сего...

Монастырская медицина

Ясно лишь одно: языческие поверья, языческая старина, особенно в том, что касалось сохранения здоровья и лечения болезней, долго, очень долго, вплоть до нашего времени, не уходили из народной памяти, передавались из поколения в поколение. «Одним из пережитков языческой старины у всех славян служат поверья в ведьм и колдунов, – отмечал Н. С. Державин. – Это существа, наделенные сверхъестественною силою или большими знаниями (ведением), чем обыкновенный человек... Ведьмам и колдунам известна магическая сила трав. Блуждая по полям и лесам, они собирают лечебные травы, выкапывают корни и пользуются ими при лечении болезней... Ведьмы и колдуны (их еще называли волхвами, знахарями, чародеями, кудесниками и пр. – М.М.) умеют залечивать раны, лечить болезни, останавливать кровотечения, помогать при укусе змеи и бешеной собаки»⁴⁹.

Но все-таки эпохальным для тогдашней медицины было время, когда Древняя Русь стала христианским государством. Именно тогда появились монастыри, которые были не только сугубо религиозными учреждениями, но и формой социальной организации жизни людей на основе общих взглядов.

Поначалу монастыри существовали как закрытые сообщества. Они как бы не стремились к «общению» с народом, так как монашество являлось подвижничеством, отречением от мирских соблазнов, почему их воспринимали как некое таинство, приносящее чудесное исцеление. Имея более высокую культуру жизнедеятельности, монастыри представляли собой много-

⁴⁶ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. III. 1893. С. 756.

⁴⁷ Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. I. М., 1849. С. 37–41.

⁴⁸ Герман Ф. Л. Врачебный быт допетровской Руси. Харьков, 1891. С. 47.

⁴⁹ Державин Н. С. Славяне в древности. М., 1945. С. 157–158.

функциональную систему самоподдержки, где образовался особый тип самопомощи человеку, связанный с основными важнейшими сферами его жизни: общением, обучением, совместным проживанием в общности, лечением, ведением хозяйства. Получив поддержку со стороны княжеской власти, окрепнув экономически, монастыри становятся центрами благотворительной, социальной деятельности. Они выполняют четыре основные функции: лечение, обеспечение неимущих (в виде милостыни), обучение, контроль⁵⁰.

Уже в первой половине XIII в. было известно до 70 монастырей, причем в крупных городах их насчитывалось большое число: по 17–18 – в Киеве и Новгороде, 4 и более – во Владимире Суздальском, Смоленске, Чернигове, Галиче⁵¹. Монастыри были почти в каждом древнерусском городе или его пригороде и являлись составной частью городской структуры и структуры княжеского управления.

Если в XIII в. новых монастырей было основано около трех десятков, причем почти все они строились в городах или непосредственно за их стенами, то с середины XIV в. их возникает до полутора, большинство из них вырастает вдали от городов и сел, в лесных дебрях, на берегах глухих рек и озер. Монастыри продвигаются и на север, и на восток, и на запад, подчиняя своему культурному влиянию окрестное население.

Выдающимися центрами культуры стали монастыри на Севере – их число чрезвычайно увеличилось в XV в. Первые основатели этих монастырей – Сергей Радонежский, Стефан Пермский, Кирилл Белозерский, Иосиф Волоцкий, Мартиниан Белозерский, Кирилл Комельский – были образованными, знающими людьми, сами переводили и переписывали книги и поручали это своим ученикам. Вероятно, они были хорошо знакомы и с медициной – так, как знаменитый Кирилл Белозерский.

Нужно, правда, оговориться, что основным занятием ученых монахов, хотя они и представляли очень тонкий тогда слой носителей интеллектуальной культуры, было, скорее всего, не изучение и переписка античной литературы (и уж тем более не исцеление болящих), а богословие, поглощавшее главные интеллектуальные устремления духовного сословия. Тем большего уважения заслуживает гуманный подвиг – именно подвиг – неизвестных монахов, посвящавших себя милосердной деятельности по исцелению болящих и страждущих.

Важно отметить еще одно обстоятельство, связанное, в определенной мере, с монастырями и вообще с православием. По мнению Д. С. Лихачева, «русские не восприняли, однако, типичного для Запада экзальтированного аскетизма. На Руси не были известны ни целования ран прокаженных, ни появление стигматов на теле святого, ни истерическое самоунижение. Наоборот, русские монахи и монастыри конца XIV – начала XV в. очень часто подчиняли свою деятельность государственным интересам»⁵².

Итак, в средневековой России, как и в других европейских государствах того времени, монастыри были очагами науки и культуры, в том числе медицины. Здесь, в монастырях, действовали первые в Древнерусском государстве больницы: основали их по примеру Афонского и других христианских монастырей Византийской империи, с которыми монастыри Древней Руси были связаны тесными узами.

Как свидетельствует летописец, в X в. игумен Печерского монастыря Феодосий построил при монастыре богадельню: «Сътвори двор близ монастыря своего, и церковь възгради в нем святого первомученика Стефана, и ту повеле пребывати нищим, слепым и хромым и труднонарым, и от монастыря подаваше им еже на потребу, и от того всего сущаго монастырскаго деся-

⁵⁰ Фирсов М. В. История социальной работы в России. М., 1999. С. 39–40.

⁵¹ Голубинский Е. Е. История русской церкви. 2-е изд. М., 1902. Т. 1, 2-я половина. С. 566.

⁵² Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. М., 1946. С. 19.

тую часть давайте им»⁵³. Фактически это было соединение богадельни с больницей – странноприимный дом, созданный, скорее всего, по примеру православных монахов Византии.

В церковных рукописях упоминается, что странноприимные дома, или странноприимницы, включавшие, очевидно, и больницы, действительно существовали в Византии. «Егда създа Великий Макарие странноприимницу, тамо приходящая и болящая и странныя приемляше, и всякой потребе сподобляше их»⁵⁴. Такую же странноприимницу организовал Феодосий в Печерском монастыре.

Феодосий Печерский, преподобный (около 1036–1091) – русский святой, один из основателей Киево-Печерской лавры (другим основателем считается Антоний Печерский), учредитель монашеского общежития в русских монастырях. Будучи вторым игуменом Киево-Печерской лавры, ввел в монастыре так называемый Студийский общежительский устав, предписывавший общую трапезу, одинаковую одежду, отсутствие личного имущества и непрестанные труды для всех монашествующих. Начал в монастыре обширное строительство. Принимал участие в политической жизни киевского княжества⁵⁵.

Как считали историки, господство религиозного сознания в Средневековье вместе со слабостью медицины того времени отдавали в распоряжение церкви множество тяжело или неизлечимо больных еще задолго до их смерти. Например, в рассказе Киево-Печерского патерика об организации Феодосием больницы (странноприимницы) в монастыре в 1060–1070 гг. ясно указывается, что тяжелобольные, которых приносили в монастырь, прежде чем они поступали в монастырскую больницу, постригались, т. е. превращались в монахов: «ин же некто, тако же болен, принесен бысть в пещеру и пострижен; и мниси же на то устроении болным служити, вземьпе и сего, несоша его къ Пиминови»⁵⁶.

По всей вероятности, странноприимница Печерского монастыря была не единичным подобным учреждением, ибо в тогдашнем законодательстве было узаконено их существование и даже определено их «финансовое положение».

Хотя о точной дате открытия монастырских больниц говорить трудно, все же следует считать, что они появились в Древней Руси одновременно, по-видимому, с монастырями. Во всяком случае, первое сохранившееся упоминание о монастырских больницах относится ко времени княжения Владимира Святого (X в.): именно он, как свидетельствуют летописи, вместе с митрополитом Леоном (Леонтием) установил своеобразную подать (налог) – так называемую десятину в пользу «нищих, сирот, сирых, больных и пр.». Это были весьма солидные средства.

В «Уставе святого князя Володимира, крестившаго Русскую Землю», говорилось: «А се о десятинах. От всякого князя суда десятая векша, и с торгу десятая неделя, от дани и от виру и всего схода и прибытка, и от лова княжа, от всякого стада и от всякого жита десятое в соборную церковь, царь или князь в девяти частях, а церкви сборная в десятой части»⁵⁷. Кстати, в этом «Уставе» говорилось не только о больницах, но и о банях, которые издревле занимали особое место в жизни народа, в том числе в мероприятиях, связанных с охраной здоровья: «Монастыри, и бани их, больницы, и врачи их»⁵⁸ – этот текст содержится в позднейшей Иосафовской редакции.

В древнейшем списке устава Владимира, написанном в Новгороде в конце XIII в., в числе «церковных людей» упомянуты, между прочими, «лечец, задушный человек, слепец, хромец,

⁵³ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 42.

⁵⁴ Великие Минеи Четьи. Сентябрь, дни 1–13, СПб., 1868. С. 539.

⁵⁵ *Гладышева Е. В., Нерсисян Л. В.* Словарь-указатель имен и понятий по древнерусскому искусству. М., 1991. С. 76.

⁵⁶ Киево-Печерский патерик. Київ, 1930. С. 181.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 84.

⁵⁸ *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 94.

монастыреве больницы, гостинницы, странноприимницы» это люди церковные богадельные». Все они – и люди, и учреждения – поручались ведению архиереев. Таким образом, именно монастырская больница, находившаяся в ведении Православной церкви, была учреждением, где работал лечец (лекарь, врач).

Это подтверждает и другая древнерусская летопись. В Степенной Книге («Книга степенная царского родословия») говорится, что Владимир Святой установил «десятину» – церкви полагалась «десятая часть от всего стяжания нашего». Здесь же упоминались «церковнии люди» – среди них были и «лечцы», а далее перечислялись «монастыреве и больницы и гостинницы и странноприимницы»: все они подчинялись церкви, их «не подобает судити ни князю, ни бояром, ни судиям их»⁵⁹.

Кстати, в некоторых списках Устава Владимира (Смоленская грамота) были расширены статьи о церковных людях – в списке лиц, подлежащих суду церкви, оказались «лечец» и «прощеник». По мнению Я. Н. Шапова, под «прощениками», по-видимому, следует понимать многочисленную группу людей, которые тем или иным способом получили «прощение», «прошу», т. е. чудесное «исцеление», и в результате этого оказались под эгидой церкви.

Дело в том, что в религиозном сознании древности и Средневековья болезнь представлялась наказанием человеку за его грехи, а выздоровление – прощением их. Судя по отечественным памятникам, духовное «прощение» и физическое «исцеление» не разделялись в сознании древнерусских людей: термин «прощение» употреблялся, когда подразумевалось чудесное выздоровление. Таковы рассказы Устюжского летописного свода об исцелении в церкви Бориса и Глеба в Смоленске (1177 г.). Ослепленные князья Ярополк и Мстислав «поидоша на прощение к св. мучеником Борису и Глебу, и бывшим на Смядыни и прозревшим во церкви св. мученик...»; сообщения ряда летописей (1413 г.) об «исцелении» от иконы богородицы под Можайском: «Явилося жалования и прощения людем много: слепым, хромым, расслабленным, глухим и немым»⁶⁰.

То, что лечцы, да и больницы, были, как писал знаменитый русский историк Н. М. Карамзин, «отчуждены от мирского ведомства», означает, что они во всем подчинялись церкви. Таким образом, именно эти лечцы играли основную роль в медицине, хотя были, несомненно, и мирские, т. е. как бы гражданские лечцы.

Бесспорно, что с первых же шагов на Русской земле Православная церковь взяла медицину под свое крыло – подобно тому, как это было в Византии, или как поступала православная, да и католическая церковь, во многих странах Европы.

Уже в скором времени больницы стали, очевидно, непременной частью монастырей, впрочем, и церквей тоже: во всяком случае, при сооружении новых церквей и различных зданий для монастырей предусматривалось строительство и «медицинского корпуса». Так, в Никоновской летописи говорится, что Ефрем, митрополит Киевский «в лето 6599 (т. е. в 1091 г. – М.М.)... бе же тогда зданиа многа воздвигл: докончав церкви святого архангела Михаила, и заложи церковь камену на воротах градных... другую церковь и строение банное, и врачеве и болницы, всем приходящим безмездно врачевание, такоже и в Милитине в своем граде устрой, и по иным своим градом митрополским, иже суть и со уезды и с волостями и с селы; се же не бысть прежде в Руси; и град бе Переаславль заложил камень, от церкви святого Федора, и с прочими здании, и съверши его чюдне»⁶¹. Иными словами, митрополит Ефрем не только построил больницы, но и установил, что больных надо лечить «безмездно», т. е. бесплатно.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908. С. 118–119.

⁶⁰ Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. С. 90.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 9. СПб., 1862. С. 116.

Таким образом, монастырские и церковные больницы (и в Киеве, и в Переяславле, и в Милитине, и в других городах) стали неременной принадлежностью социального устройства Древнерусского государства. (Кстати, уместно напомнить, что о больных заботились не только в монастырях: как свидетельствует Ипатьевская летопись, в 1175 г. князь Андрей Боголюбский «веляшет по вся дни возити по городу брашно и питие разнoличное больным».) Важно обратить внимание и на то, что больницы эти были общедоступными, так как в них «медицинская помощь» оказываемая лечцами, была бесплатной («безмездно врачевание»), в отличие от помощи других, мирских, или «гражданских», лечцов.

Итак, очевидно, что монастырские больницы были специальными учреждениями, где работали опытные лечцы – «врачи-профессионалы».

Врачи

Кто же были они, эти первые на Руси профессионалы-медики?

Обычно, ссылаясь на труды средневековых историков, пишут, что у князя Владимира Святого был врач Иоанн Смер (Смера), родом половчанин: в 987–990 гг. он, по повелению Владимира, побывал в Паннонии, Сербии, Булгарии, Мизии, Греческой (Византийской) империи, Египте. «Ежели справедливы и имя его, и должность при Дворе Российском, – считал историк медицины В. М. Рихтер, – то нет сомнения, что Иоанн Смер был самый древний из всех медиков в нашем отечестве»⁶².

Может быть, это и так, хотя сомнения все-таки есть. Ведь Смер мог быть и волхвом (знахарем, «народным врачом»), т. е. представителем народной медицины, и, конечно же, незаурядным специалистом – иначе бы не стать ему лекарем князя Владимира. Известно также, что, будучи половчанином (половцем), он был язычником, а христианство принял лишь во время поездки в Египет: следовательно, до этого обучение медицине у врачей (например, в Византии) и знакомство с достижениями древней медицины были ему вряд ли доступны. Не работал он и в монастырских больницах – их тогда не было.

Все это, конечно, формальные моменты, но их тоже следовало бы принимать во внимание.

В отличие от Смера, о медицинской деятельности которого никаких сведений не осталось, другие киевские врачи (жившие, правда, немного позднее) прославились, согласно древнерусским летописям, своим врачебным искусством.

Древнерусский историк оставил нам красочные описания высокогоуманных деяний первых врачей – монахов Киево-Печерского монастыря: под монашескими клобуками у них были солидные знания медицины.

В Киеве известен был как врач Антоний Печерский, один из основателей и первый настоятель Киево-Печерского монастыря.

Антоний Печерский, преподобный (983–1073) – русский святой, основатель Киево-Печерской лавры, один из родоначальников русского монашества. Принял пострижение на Афоне, а в 1028 г. вернулся в Киев, где предавался отшельническому подвигу в пещере на Берестовой горе, увлекая своим примером будущих иноков Киево-Печерской лавры⁶³.

В летописи о нем говорится: «Яко же бо он, великий, покрываа свою святость, больныа исцеляше от своеа яди, мияся тем врачебное зелие подаваа, и тако здрави бываху молитвою его»⁶⁴. Хотя о методах лечения Антония больше не сказано ничего, ясно, что он применял, выражаясь современным языком, только терапевтические и психотерапевтические способы.

⁶² Рихтер В. М. История медицины в России. Ч. 1. М., 1814. С. 164.

⁶³ Гладышева Е. В., Нерсисян Л. В. Словарь-указатель... С. 9.

⁶⁴ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 93.

Гораздо больше летописец рассказывает «о святом и блаженном Агапите, безмездном враче».

Агапит, преподобный Печерский (? – 1095), поступил в Киево-Печерскую лавру при Антонии, а после смерти Антония поселился в его пещере, подвизался на посте и молитвах, лечил больных.

Агапит был преданным учеником Антония – в летописи о нем говорится, что «сий блаженный Агапит, ревнуа святому тому старцу (т. е. Антонию. – *М.М.*), помогаше больным». Агапит лечил всех, кто находился в Печерском монастыре, прежде всего, конечно, иноков: они часто приходили к нему в келью, либо Агапит сам шел к ним. «И егда кто от братиа разболяшеся, – свидетельствовал летописец, – и тако остави келию свою, приходяще ко болящему брату и служаще ему». Больным он сам готовил лекарства («еже сваряше зелие»), оставаясь с ними в продолжение всего заболевания («Аще ли продолжаше недуг... сий же блаженный Агапит пребываше неотступно»).

Результаты проводившегося им лечения (тоже, вероятно, терапевтического и психотерапевтического) были совсем неплохими: недаром же Агапит «прозван бысть “лечець”, сему бо дарова Господь дар исцеления». Во всяком случае, в Киеве он пользовался репутацией отличного врача, к нему в монастырь приходило много пациентов, которых он успешно лечил: в летописи говорится, что «слышанно бысть о нем в граде (т. е. в Киеве. – *М.М.*), яко некто в монастыре лечець, и мнози болящий приходяду к нему, и здрава бываху»⁶⁵.

Агапит, «безмездный врач», исцелил князя Владимира Мономаха, заболевшего в Чернигове. Он, однако, не захотел нарушить своего обета («безвыходного» пребывания в монастыре) и потому ответил отказом посланникам князя на просьбу посетить их больного господина в Чернигове; не принял он от него и богатых даров (после того, как дал ему исцеление посланным зелием). «О, чадо мое! – сказал посланнику князя инок Агапит. – Я никогда и ни от кого не брал даров за лечение». Он, однако, потребовал, чтобы исцеленный князь раздал свое имение, что Владимир и исполнил. Уже одно это отношение Владимира к Агапиту (в сочетании с фактом потери князем своего сына), отмечал П. В. Владимиров (1900), могло вызвать знаменитое поучение Мономаха⁶⁶.

В ту пору в Древнерусском государстве медицинской практикой занимались и иноземные врачи: они приезжали главным образом из восточных стран (Армения, Сирия и др.) и, конечно же, наряду с византийской, были знакомы и с арабской медициной. Например, почти такой же известностью, как Агапит, пользовался в Киеве еще один врач, о котором летопись сообщала, что был он «арменин родом и верою, хитр бе врачеванию, яко таков не бе прежде его». Этот врач якобы по одному взгляду на больного ставил диагноз и прогноз болезни («еже только видеви болящего, познаваше и поведа ему смерть, нарека ему день и час»).

Летописец писал о споре, разгоревшемся между врачом-армянином и Агапитом, превзошедшим его во врачебном искусстве. Пришедшего к заболевшему Агапиту армянина, предсказавшего ему, по пульсу («и емь его за руку, рече»), смерть на 3-й день, тот обличает в отсутствии у него врачебного мастерства. Вот как говорится об этом в летописи: «Блаженный же (т. е. Агапит. – *М.М.*) с яростию глагола тому (т. е. армянину. – *М.М.*): “сидеца ли суть твоего врачевания отрази: смерть ми поведаа, а помощи ми не можеши? Аще есм худог, то дай же ми живот; сиде ли сим не владеши, то почто укоряеши мя, осуждаа в 3-й день умрети ми?”»

В это время к Агапиту пришел больной из Киева и, преодолевая себя, тот встал и дал ему лекарство, которое сам принимал: при этом он показал лекарство армянину, сказав: «се есть зелие, разумей и виждь», т. е. предложив определить, что это такое. Армянин ошибся, посчитав лекарство иноземным, привезенным из Александрии (факт, сам по себе весьма знамена-

⁶⁵ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 93–95.

⁶⁶ Владимиров П. В. Еще о происхождении и содержании Патерика Печерского. Киев, 1900. С. 203.

тельный, подтверждающий тесные связи Древнерусского государства с Византией, плодотворные контакты русских медиков со своими зарубежными коллегами). Это вызвало негативную реакцию у Агапита: «Посмеав же ся блаженный невежеству его, дать зелие болящему, и тогда здрава сотвори».

В общем, спор Агапита с врачом-армянином (а по сути – медицинский диспут) закончился ссорой, и он выгнал его из своей кельи. Но когда Агапит умер, армянин пришел в Печерский монастырь и, в память о нем, постригся в монахи⁶⁷.

Интересно, что после пострижения игумен сказал армянину «пусть он перестанет быть врачом тела чужого, а будет искусен во врачевании своей души, следуя блаж. Агапиту», т. е. оставь лечение и думай о душе. Ставший монахом армянин до конца своих дней жил и скончался в Киево-Печерском монастыре.

Добавлю, что медицинский диспут Агапита и армянина можно рассматривать и как отражение своеобразной конкуренции между монастырскими и мирскими врачами: эта конкуренция возникала еще и потому, что монастырские были, скорее всего, безмездными, а мирские (гражданские) врачи – возмездными.

Кстати, практика иноземных врачей не представляла тогда ничего необычного. Как считает историк В. П. Даркевич, в Древней Руси XI–XIII вв. «верили, что врачество предполагает сокровенные знания, предпочитая иноземных лекарей»⁶⁸.

В Киеве славился в это же примерно время (XI в.) еще один врач – Петр Сириянин: он служил князю Святоше Черниговскому (князю Святославу Давыдовичу Черниговскому) и вместе с ним пришел в Печерский монастырь. Вот что рассказывается о нем в летописи: «Имяше же сий блаженный князь Святоша, еще в княжении сый, лечыца хытра вельми, именем Петра, родом Сурянина, иже прииде с ним в монастырь. Видев же сего Петр вольную нищету, в поварьничи жеиу врат приседяша, лишився его и живяше в Киеве, врачюа многих». Петр часто навещал Святошу в монастыре, советовал ему заботиться о своем здоровье; он говорил ему: «Блюди, да некогда недуг, отовсюду собрався, и не имушо ти крепости, скоро живота гоньз-неши, – мне же не могушу ти помощи». Святоша же отвечал ему: «И ты убо, егда уврачюеши, не гнушати ли ся велиши брашен?»

Когда Святоша все же серьезно заболел, Петр хотел начать лечить его. «И егда убо разболяшеся сий блаженный, и видеж его, лечець приготавлиет зелиа на потребу врачевания, на кыйждо недуг, когда беаше или огненное жжение, или теплота кручиннаа». Но Святоша быстро выздоровел: «И прежде пришествиа его (т. е. Петра. – М.М.), здрав бываше князь: никако же не дадый себе врачевати». Так повторялось много раз.

Когда же заболел сам Петр, Святоша посоветовал ему не пользоваться лекарствами: «Петрови разболевшуся, посла к нему Святоша, рече: “аще не пиеши зелиа, скоро исцелееши; аще ли мене преслушаеишя, много имаши пострадати”». Но Петр сначала не послушал его: «Он же, хитр ся творя и болезни гонзнути хотя, мало живота не погреша, растворения вкусив». Однако состояние Петра не улучшилось: «Паки же сему разболевыпуса, наречие посылает к тому святыи, глаголя, яко в 3-й день исцелееши, аще не врачюеишя».

В этот раз все кончилось благополучно: «Послушавыше его Сириянин, в 3-й день исцеле, по словеси блаженного». Когда же Святоша сообщил, что через три месяца покинет этот мир, Петр сильно опечалился и, желая спасти князя, попросил его: «Повеждь мне, рабу своему, язву смертную, да ще аз тя не изоврачюю, да будет глава моя за главу твою и душа моя за душу твою». Однако Святоша отказался от помощи врача: «Врачевания же в животе не требовах, мертвии бо живота не имут видети, не врачевати могут въскресити». И тогда Петр решил умереть

⁶⁷ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 93–95.

⁶⁸ Даркевич В. П. Культура славян и Русь. М., 1998. С. 139.

и лечь в гроб, который приготовил себе Святоша; он сказал князю: «Ты живи еще, а мене здесь положи». Врач Петр Сирианин умер на 3-й день, а Святоша прожил в монастыре еще 30 лет⁶⁹.

А вот что говорится об этом же в Степенной Книге: «Еще же во княжении сый (т. е. князь, Святоша. – М.М.), имеа у себя лечьца вельми хитра именем Петра, родом Сириянина, с ним же и в монастырь прииде. Видев же вольную нищету господина своего, в поварни и у врат приседяша, отлучися от него же и живяше в Киеве, врачюя многих». Далее рассказывается, как Петр укорял Святошу в пренебрежении к своему здравью, на что князь отвечал ему, в частности: «И ты убо егда кого врачюеши, не велиши ли гнушати брашен?» Описывается и предпринятая Петром попытка лечения заболевшего князя: «Егда же ли разболяшеся блаженный Светоша и, видев его, лечець приготовляет зелие на потребу врачевания; и прежде пришествия его здрав бываше князь, и никоко же дабы себе врачевати. И се многажды сотвори». Когда же заболел сам Петр, Святоша вылечил его святой молитвой. А в конце говорится о том, как Петр умер вместо Святоши, а тот жил еще 30 лет⁷⁰.

Когда игуменом Киево-Печерского монастыря был Феодосий, в монастыре жил Дамиан (Демьян), которого летописец называл «целебником Печерским»⁷¹. Так, «если кто приносил дитя, одержимое каким-либо недугом, или взрослый человек, страдавший какой-нибудь болезнью, приходил или бывал привозим в монастырь»⁷², всех их Феодосии направлял к Дамиану.

О Демьяне летопись сообщает следующее: «Яко се первый Демьян презвутер бяше тако постник и въздержник, яко разве хлебати воды ясти ему до смерти своя. Аще кто коли принесаше детищ болен, кацем любо недугом одержим, принесяху в манастирь, ли свершен человек, кацем любо недугом одержим, приходяше в манастирь к блаженному Феодосью, повелеваше сему Демьяну молитву створити болящему; и абье створяше молитву, и маслом помазаше, и приимаху ицеленье приходящий к нему»⁷³.

В эти же примерно времена врачебной деятельностью в монастыре занимался и Алимпий (Алипий) преподобный (? – 1114). Алимпий был незаурядным художником-иконописцем – этому ремеслу он научился у прибывших в Киев греческих мастеров. Кроме того, Алимпий с помощью известных ему иконописных красок успешно лечил проказу и кожные болезни. Вот что сообщает об этом Патерик Печерский: «Некто от Киева богатых прокажен и много от волхвов и от врачей лечим бываше и от поганных человек искааше помощи и не полоучи, но и горшее себе приобрете поноуди некто сего от друг итти в печерьский манастирь и молити от отец ономоу же приведеноу бывшую в манастирь игоумен же повеле напоити (его) гоубою от кладязя святого Феодосия главою же и лице емоу помазаша (емоу) и тако (абие) воскип весь гноен за неверование его яко сего всем бегати смрада ради бывающего и се (он же) возвратися в дом свой плачаша и сетоуя не исходя отгудоу во многи дни смрада ради...»

Позднее этот больной, рассказывается в Патерике Печерском, пришел к преподобному Алимпию, известному иконописцу, и тот «взем вапницю и шаровными вапы ими же иконы писааше и (сим) лице емоу оукраши (и) строупы гнойныя замазав сего на первое подобие благообразное (зие) претворив». Затем Алимпий привел больного в церковь, где после причастия святых тайн «повеле ему оумытися от воды (водою) ею же поповы (священники) оумываются (и) тоу абие спадоша емоу строупие и исцеле». В рукописи подчеркивается, что «скорому исцелению вси оудивишася»⁷⁴. Что касается оказавшейся целебной «вапы», то историк медицины Л. Ф. Змеев (1896) полагал, что это была смесь извести с маслом.

⁶⁹ Патерик Киевского Печерского монастыря. С. 83–85.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908. С. 180–181.

⁷¹ Киево-Печерский Патерик. М., 1911. С. 215.

⁷² Там же. С. 216.

⁷³ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. С. 126.

⁷⁴ Владимир П. В. Еще о происхождении и содержании Патерика Печерского. Киев, 1900. С. 7–8.

Секрет успехов медицинской деятельности монахов Печерского монастыря заключался, скорее всего, в использовании того, что мы называем сейчас комплексным лечением, с обязательным применением психотерапевтических методов. «Все эти иноки, обладая даром исцеления, если и давали что-либо больным, то лишь из смирения – как говорит Патерик – не желая обнаружить присущую им способность исцелять, – считал историк медицины А. П. Левицкий. – Было ли то съедобное зелье или елей – не в них дело; сила крылась в молитве, по которой наступало исцеление». Из этого, правда, ученый делал неожиданный вывод, что «этот дар исцеления монахи противопоставляли врачеванию, основанному на человеческом знании: везде, где последнее оказывалось бессильным, получался благоприятный результат, лишь только больные прибегали к чудесной силе исцеления по монашеской молитве»; он даже считал, что «монахи не врачевали, т. е. не прибегали к человеческим знаниям, а исцеляли, т. е. прибегали к сверхъестественному вмешательству, путем молитвы»⁷⁵.

С таким толкованием согласиться, конечно, нельзя. Те печерские монахи, кто занимался врачебной практикой, были образованными, знающими людьми, профессионалами, искушенными в медицинских делах. Помощь ближним, которую они оказывали, руководствуясь христианским милосердием, основывалась, без сомнения, на знаниях, почерпнутых из различных источников, прежде всего из рукописей медицинского и естественно-научного содержания, переведенных с греческого, болгарского, латинского и других языков и содержащих опыт многих врачей.

Дошедшие до нас исторические свидетельства – гражданские и церковные рукописи, Устав монастырский Федора Студийского, Печерский Патерик, памятник монастырской жизни того времени, другие летописи – подтверждают существование врачей (лечцов) – монахов Печерского монастыря, да и иных киевских врачей как исторических личностей, свидетельствуют об их медицинской деятельности, об их человеколюбии и сердечности, об их, выражаясь современным языком, врачебной этике. Такие же врачи-монахи действовали в других древнерусских монастырях, в Новгороде, например, в Чернигове, Суздале, Переяславле и других городах. Многих из них Православная церковь впоследствии канонизировала (причислила к лику святых).

А о содержании деятельности врачей-монахов, об их искусстве врачевания в какой-то мере позволяет судить описание чудес святых Козьмы и Дамиана (использование настоев из трав или «пекла» – кедрового масла; наложение сырого мяса на больное место; растирание больного и т. п.), приведенное в своде древнерусских памятников «Великие Миней Четьи»⁷⁶.

Существенно, однако, и то, что уже в XI–XIII вв. в Древнерусском государстве врачевание не стало монополией православной церкви. Помимо монастырских врачей-монахов медицинской практикой занимались и другие профессионалы – мирские, или городские, врачи – лечцы. Они, в отличие от монахов, не покидавших свои обители, лечили больных в их домах; при этом занимались они своим ремеслом, опять-таки в отличие от монастырских врачей, отнюдь не «безмездно», а за определенную плату. Например, о таких врачах говорится в летописи XI в. «Посмертные чудеса святителя Николая архиепископа Мирликийского чудотворца» – эти врачи неоднократно приходили к юноше Николе, получали вознаграждение, хотя так и не смогли ничем ему помочь: «Уноша бе некто именем Никола... лежаще месяц б огнем великим жгом... врачеве же прихожаху ему и не можаху никоея же ползы створити»⁷⁷.

Разумеется, не исключено, что среди этих врачей, имевших своих учеников, были как постоянные жители городов, в том числе придворные княжеские врачи, так и бродячие лекари.

⁷⁵ Левицкий А. П. Медицинское обозрение Спримона. 1909. Т. 71. № 1. С. 76.

⁷⁶ Великие Миней Четьи. Ноябрь 1–2. СПб., 1897. С. 6–43; Великие Миней Четьи. Октябрь 4–18. СПб., 1874. С. 1060–1061, 1107.

⁷⁷ Посмертные чудеса святителя Николая архиепископа Мирликийского чудотворца. Памятник древнерусской письменности XI в. Чудо 3. СПб., 1888.

Это, впрочем, неудивительно. «Бродячие греки, персияне не переводились на Руси и долго после охотно брали на выучку желающих, – считал Л. Ф. Змеев и добавлял: – Не забудем, что в Средние века во всей Европе учителя и ученики были сплошь бродячие, как и врачи практики»⁷⁸.

Плата, которую брали мирские (городские) врачи, была, вероятно, немалой: во всяком случае, в летописях нередко жалобы на высокую стоимость лечения и, несмотря на это, отсутствие эффекта от действий врачей. Так, в «Посмертных чудесах святителя Николая...» говорится, что юноша Никола «пришед в велику беду, яко ни врачом не имяше что вдати, ни сам виде о чемь пребываше...»⁷⁹ В летописи «Житие Варлаама Хутынского» слепой в Новгороде «много же и врачом разда и никое же пользы обрете»; попадья, чтобы помочь своему сыну Ивану, «много истощивши врачом, но ничто не успела»⁸⁰.

Важно отметить главное: как свидетельствуют памятники церковного и монастырского происхождения XII–XIII вв., врачи – и монастырские, и мирские – были хорошо известны в городах и весях Древнерусского государства, так же, как и в других крупных странах Европы.

Хирургия

Как же лечили эти врачи? Каков же был у них, выражаясь современным языком, «объем оказываемой медицинской помощи»? Входила ли туда хирургия?

Несомненно, что в соответствии с уровнем медицины того времени древнерусские врачи занимались главным образом терапией, широко используя в качестве лекарственных средств и отечественную флору, и привозные лекарства.

К терапии следует отнести и широко практиковавшееся лечение в банях. Бани исстари занимали большое место в народной жизни как одно из средств сохранения здоровья. Еще в «Повести временных лет» древнерусский историк, повествуя о путешествии апостола Андрея по «Словенской земле», писал: «Видех бани древены, и пережыуть с рамяно, и совлокуися, и будут нази, и облекуся квасом уснияным, и возьмут на ся прутье младое, и быют ся сами, и того ся добьют, едва слезут се живи, и облекуся водою студеною, и тако ожиуть. И то творять по вся дни»⁸¹. Естественно, что банным лечением широко пользовались и средневековые терапевты – представители основной медицинской специальности.

Основной, но отнюдь не единственной. Можно с уверенностью утверждать, что в Древнерусском государстве существовала и хирургия: специалисты-хирурги занимались оперативным лечением, оказывали помощь при различных ранениях и травмах, при заболеваниях, считавшихся тогда «хирургическими».

Древнерусским лекарям приходилось сталкиваться с самыми различными болезнями, требовавшими хирургического лечения. Историк медицины Н. А. Богоявленский, специально изучавший древнерусское врачевание, считал, что это были ранения, переломы, вывихи, «расшибение с коней», «притрение возом», «хапление» (растерзание) зверем, «убиение скотом», «подавление кусом», «ожары» (ожоги), «камчюг» (мочепузырные камни), «гвор», «пузырь», «кила» (паховоомошоночная грыжа), «недуг, егда в очи власы врастають» (трихиаз), «червивая болезнь», пролежни после «огневицы» (сыпного тифа), «томление женок при родах», «болезни зубом и скороньи» (челюстей), «кровавые кусы мяса во афедроне» (геморроидальные шишки),

⁷⁸ Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. С. 127.

⁷⁹ Посмертные чудеса святителя Николая... СПб., 1888. Чудо 3.

⁸⁰ Житие Варлаама Хутынского. СПб., 1881. С. 30, 70.

⁸¹ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 12.

«гангрена удов» как результат питания бедного населения зараженным спорыньей хлебом и пр.⁸² Конечно, самыми частыми были различные повреждения, боевые травмы, раны.

В «Слове о полку Игореве» – замечательном памятнике древнерусской литературы (XII в.) – упоминается, в частности, о возможных тогда методах лечения ран. Так, в плаче Ярославы есть такие слова: «Полечу я чайкою по Дунаю, омочу рукав я белый во Каяле-реке, утру князю кровавые раны на могучем его теле»⁸³. Упоминаемое здесь и есть, в сущности, весьма рациональный и широко распространенный в то время прием лечения ран, заключавшийся в омовении водой.

О существовании хирургической помощи в Древнерусском государстве документально свидетельствует «Правда Русская» – свод законов, относящийся к XI в., ко времени Ярослава Владимировича: впрочем, как указывалось в ней, эта книга «не есть сочинение тогдашнего времени, но за несколько веков до Ярослава существовавшая, и токмо оным великим Князем в некоторых статьях исправленная»⁸⁴.

Так вот, в § 8 «О мече» было сказано ясно и недвусмысленно: «Кто кого поранит мечом, но несмертельно, с такового взыскать в казну пени три гривны, а уязвленному, на излечение раны (выделено нами. – М.М.) – гривну»⁸⁵. Понятно, что «излечение раны» проводил профессионал, получавший за это определенный гонорар, вероятно, не менее гривны, что, по тем временам, составляло немалую сумму.

Вот как об этом же говорит так называемый Карамзинский список «Русской Правды»: «Аще оударить мечем, а не потнеть на смерть, то три гривны продажи, а самому гривна за рану, оже лечебно есть»⁸⁶. А вот – то же самое, но по т. наз. «Списку Академическому»: «Оже ли себе не может мьстити, то взяти емоу за обиду 3 гривне, а летцю мьзда»⁸⁷. А вот как толкует это так называемый Троицкий Список: «Аже оударить мечем, а не оутнеть на смерть, то 3 гривны, а самому гривна, за рану же лечебное»⁸⁸. Наконец, в летописи, в «Уставе великого князя Ярослава Владимировича о судех. Правда Русьская» сказано так: «Оже ударить мечем, а не потнет на смерть, то 3 гривны продажи, а самому гривна за рану, оже лечебное»⁸⁹.

Еще в одной старинной рукописи – «Изборнике Святослава» (XI в.) – указывается, что врач должен уметь оказывать хирургическую помощь – уметь разрезать кожу, ампутировать конечности (делать «орезание удное»), прижигать раны, бороться с нагноением.

Хирургическую операцию перенес, в частности, сам Святослав – у него была опухоль (по всей видимости, гранулема). Однако операция эта оказалась безуспешной, князь умер: как сказано в летописи, «преставися Святослав от резанья желве»⁹⁰. Это подтверждает и еще один источник. В Никоновской летописи сказано, что «в лето 6584 (т. е. в 1076 г. – М.М.)... преставился Святослав, сын Ярославль, месяца декабря в 27 (день), от отрезания желвей»⁹¹.

Резалники при своих манипуляциях использовали различные инструменты: чаще всего это были «ножь врачевьский» и «бричь» (бритва). По мнению Н. А. Богоявленского, изящные топорики, рисунки которых так обычны в книжных орнаментах древнего Новгорода, представляли иногда соединение обушкового снаряда с копьём на конце топорища: они служили для

⁸² Богоявленский Н. А. // Вестник хирургии. 1958. № 7. С. 132–133.

⁸³ Слово о полку Игореве. М., 1967. С. 48.

⁸⁴ Правда русская, или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономахов. СПб., 1799. С. III.

⁸⁵ Там же. С. 34.

⁸⁶ Русская Правда. 1934. С. 10.

⁸⁷ Там же. С. 4.

⁸⁸ Русская Правда. 1934. С. 30.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 59.

⁹⁰ Там же. Т. 2. С. 190.

⁹¹ Там же. Т. 9. СПб., 1862. С. 107.

рассечения и прокола «мозолей» – к ним тогда относили и чумные бубоны, и сибиреязвенные карбункулы. Было еще «кроило» – массивный нож, которым «раскроивались» твердые и «надутые апостемы» (подкожные нарывы). Использовали резалники и некоторые из плотницких инструментов, например, «пилу», «свердло», «тесле», которое имело вид удлиненного долота. Были в употреблении также «щипцы», «иглы», «лопастни» (шпатели), ложечки, щупы, пинцеты, клещи. Обилием названий и форм отличался и набор кровопуска: «прогон», «стрек», «высекало», «ражнь», «гвоздие», «шило», «бодець», «аргалие» или «железье кровопустное»: последнее ковалось кузнецами в виде острого пружинящего молоточка, приводившегося в действие щелчком рудомета, им «били жилу».

Среди хирургических инструментов древнерусских резалников были «безбань» или «стрекало» – врачебный нож (от стрекати – колоть), «ножицы, ими же кровь поущают» (от ножиць-ножик), «бричь» (бритва) или иначе «стригальник», и др.⁹²

Инструменты («уряд», «рудие», «прикута», «снасти», «брищета») содержали в ящичках («лагалище», «ларец», «ковчежець»), упрощенные изображения которых можно видеть на древнейших иконах Луки, Кузьмы и Демьяна, Анастасии-«целительницы» в фондах Русского музея в Санкт-Петербурге и Третьяковской галереи в Москве⁹³.

Понятно, что все эти инструменты не хранились втуне, а использовались резалниками для проведения оперативных методов лечения. Правда, в основном это было то, что сейчас называют «малой хирургией» – лечение ран и ожогов, удаление зубов, кровопускание и пр. Но резалники проводили и более крупные операции: в их числе были и ампутации, и лечение переломов костей, и даже такие сложные вмешательства, как трепанация черепа.

Доказано, что древнерусские резалники владели техникой трепанации. Еще в 1893 г. на берегу Днепра при раскопках, относящихся к IX–XII вв., был найден череп с трепанационным отверстием в области лобного бугра: гладкие края и правильные очертания дефекта свидетельствовали, что трепанация производилась с помощью инструментов. В 1949 г. близ славянского города Белая Вежа при раскопках могильника X–XI вв. обнаружили череп со следами двух рубленых ран и прижизненной трепанации в наружно-боковом отделе лобной кости. «Раненому прижизненно была произведена трепанация черепа там, где было поражение мозга и где имела потребность в выпуске внутречерепного кровоизлияния или отделяемого нагноившейся раны, – отмечал участвовавший в экспертизе специалист по судебной медицине В. А. Гойхман. – ...Это свидетельствует не только о понимании... сущности черепно-мозгового ранения и его последствий, но и о знании... анатомии головы человека... Хирургическая тактика говорит о большой наблюдательности и высоком знании дела»⁹⁴. Там же был найден еще один череп со следами прижизненной трепанации в передней половине правой теменной кости.

Конечно, наибольшая потребность в хирургической помощи и спрос на лечцов-резалников возникали во время войн. В сборнике XII–XIII вв. «Маргарит» перечислены функции врача: искать после сражения «язвенных», поднимать их, поить зелием, «обязывать» язвы, вести до «врачебьницы», неустанно смотреть за ними, Врачи назывались «резалниками», так как им приходилось ножом удалять «ушибенные» части тела⁹⁵.

Кстати, в хирургической практике резалников наряду с оперативными методами лечения видное место занимала и русская баня. Пребывание в паровой (парной) бане было составным элементом лечения таких, например, заболеваний, как кила (грыжа) – ее вправляли лишь после банных процедур, или кровопускание, или лечение нарывов и ран.

⁹² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. 1890–1912. Т. 1. С. 179, 1337; Т. П. С. 305, 723; Т. III. С. 548.

⁹³ Богоявленский Н. А. // Вестник хирургии. 1958. № 7. С. 134.

⁹⁴ Гойхман В. А. И Вопросы нейрохирургии. 1955. № 2. С. 59.

⁹⁵ Богоявленский Н. А. // Вестник хирургии. 1957. № 1. С. 130.

* * *

Культура Древнерусского государства, обогащенная новыми связями, на протяжении нескольких столетий продолжала успешно развиваться. Через Византию, унаследовавшую традиции античной учености, образованности и мудрости, древняя культура попадала на Русь. Немало дали сохранявшиеся связи со странами Востока и Северной Европы.

«На заре истории Александрия слала нам свои лекарства, а м(ожет) б(ыть) и врачей, греки тоже, персы слали врачей, вносивших арабскую медицину, еще м(ожет) б(ыть) раньше господствовавшую близ Киева, – писал в конце XIX в. Л. Ф. Змеев. – Новгород мог заимствовать от Норман»⁹⁶.

Таким образом, можно считать установленным, что медицина и хирургия Древней Руси, одного из могущественных государств Восточной Европы, была закономерной и важной частью медицины и хирургии средневекового мира. При этом исходным моментом ее формирования стал синтез культурных традиций племен и народов, населявших территорию Древнерусского государства, которое характеризовалось не только территориальной и политической общностью, но и единой, самобытной древнерусской культурой, сложившейся в течение столетий: в ее формировании большую роль сыграли культурные связи Древней Руси со многими странами Запада и Востока, благотворное влияние достижений мировой культуры. Все это, скорее всего, и обусловило ее плодотворное развитие в Средневековье.

⁹⁶ Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. С. 62.

Глава II. Возрождение российской медицины (XIV–XVI вв.)

После монголо-татарского нашествия целое столетие на Руси было отмечено упадком и застоём. «Сень варваров, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу в то самое время, – писал Н. М. Карамзин, – когда благодетельные сведения и навыки более и более в ней размножались... возникали университеты. В сие время Россия, терзаемая монголами, направляла силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть»⁹⁷.

После монголо-татарского нашествия

В начале мрачного периода монголо-татарского ига страна была фактически изолирована от государств Европы, культура и наука которых продолжали развиваться. Возрождение русской культуры началось только во 2-й половине XIV в., центр ее сместился на северо-восток.

«В общем развитии культуры средневековой Европы русская культура занимает особое, неповторимое место, – подчеркивается в вышедшей сравнительно недавно (1992) «Истории Европы». – При всей ее самобытности она, однако, постоянно (за исключением нескольких десятилетий после монгольского погрома) была связана с культурой Средиземноморья, Западной Европы, центральноевропейских, славянских стран. В своем развитии она отразила многие общие черты, свойственные духовной жизни Средневековья, и основные ступени ее эволюции. По уровню развития культуры домонгольская Русь не уступала другим странам тогдашней Европы (логично предположить, что таково же было положение и с медициной как важнейшей частью культуры. – М.М.). И даже после потрясений монголо-татарского нашествия и ига она нашла в себе силы, чтобы снова вступить на путь культурного прогресса и добиться больших успехов во всех сферах духовной жизни»⁹⁸.

Но справедливо замечено, что культура великого народа не может погибнуть в одиночестве, она может лишь деформироваться под влиянием тех или иных обстоятельств: к медицине и хирургии это относится в полной мере. И в страшные годы «томления и муки», в мрачный период монголо-татарского ига, культура продолжала все-таки сохраняться; сохранялась и медицина, особенно в православных монастырях Владимиро-Суздальского, Тверского, Московского, Новгородского княжеств: а размещались монастыри в основном в городах и посадах, так было до середины XIX в.

В конце XIV – начале XVI в. на Руси наступила эпоха великого возрождения, которую Д. С. Лихачев (1946) характеризует как период становления единой русской национальной культуры под верховенством Москвы.

Сказалось это и на положении православных монастырей. «Монастыри стали богатеть, – писал русский историк Д. Иловайский. – ... Число их особенно увеличилось во время монгольского ига – время частых бедствий и разорений, когда монастыри представляли более спокойствия и безопасности, нежели города»⁹⁹.

Интересно, что, по данным российских историков, даже во времена монголо-татарского ига правители Золотой Орды освободили русское духовенство от дани и объявили неприкосновенными их земельные владения¹⁰⁰. Бесспорно, это во многом помогало монастырям, в том числе, конечно, в устройстве и содержании больниц и «врачевских» палат.

⁹⁷ Рыбаков Б. А. Начальные века русской истории. М., 1995. С. 10.

⁹⁸ История Европы. Т. 2. М., 1992. С. 742.

⁹⁹ Иловайский Д. Краткие очерки русской истории. Изд. 6-е. М., 1865. С. 75.

¹⁰⁰ Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси. Новосибирск, 1991. С. 8.

А уже в XIV–XV вв. монастыри в России переживали расцвет. В центре и на окраинах появились сотни новых обителей. Конечно, далеко не все из них осуществляли «медицинскую миссию», но немало было и таких, которые, примыкая к так называемым осифлянам (одному из направлений церковной мысли: другое – так называемые нестяжатели), в монашеской жизни видели ее социальное предназначение, в том числе благотворительность, помощь сирым, убогим, болящим¹⁰¹.

Монастырская медицина продолжала оставаться важным звеном в оказании лечебной помощи, которую оказывали занимавшиеся «врачеством» монахи. Так, в вологодских монастырях особую категорию монахов составляли «больнишные старцы» – они были отмечены в Павлове Обнорском и Корнильево-Комельском монастырях. Историки полагали, что это были монахи, ухаживавшие за больными и престарелыми. В документах рассматриваемых монастырей это «немошные и престарелые монахи», хотя не исключено, что среди них были и хорошие врачеватели. «Больнишные старцы» освобождались от несения послушаний, но были и те, кто, несмотря на свой возраст, продолжали их выполнять¹⁰².

В то же время православные монастыри, как и прежде, были центрами русской культуры, очагами знания, хранилищами разнообразных рукописных книг, в том числе и естественно-научного содержания. Так, по данным Д. С. Лихачева, в обильной монашеской литературе, проникшей в XIV и XV вв. из Византии, по вопросам исихии (молчальничества) встречались сложные психологические наблюдения, посвященные разбору таких явлений, как восприятие, внимание, разум, чувство и т. д. Трактаты эти различали три вида внимания, три вида разума, учили о различных видах человеческих чувств, обсуждали вопросы свободы воли и давали тонкий самоанализ. Русский автор Нил Сорский различал пять периодов развития страсти: «прилог», «сочетание», «сложение», «пленение» и собственно «страсть» и дал каждому из этих периодов подробную характеристику, основанную в значительной мере на конкретном наблюдении¹⁰³.

Православная церковь по-прежнему пользовалась в средневековой России огромным влиянием, которое сказывалось на многих сторонах жизни государства и общества. Особенно важную роль играла она в развитии культуры Древнерусского государства, в том числе в становлении и развитии «научной» медицины, основанной на трудах Гиппократ, Галена и других древних врачей.

О прогрессе медицины средневековой России свидетельствовали записи летописцев, связанные с описаниями моровых поветрий. Так, в 1092 г. описание морового поветрия в Полоцке целиком проникнуто примитивными религиозными представлениями язычества. Летописец передает, что духи умерших невидимые скакали на лошадях по улицам города и поражали язвою тех, кто выходил из домов: от этой язвы и умирали люди.

Совсем иной, конкретно-эмпирический характер имеет точное описание в Никоновской летописи симптомов чумы 1364 г.: «А болезнь была такова: преже (прежде) как рогатиною ударит за лопатку или противу сердца под груди, или промежи крил (т. е. между лопаток) и разболиться человек и начнет кровию хракати (харкать) и огонь разбьет и (его), посем пот, потом дрожь иметь и тако в болести полежав овии (некоторые) день еден (один) поболевше умираху, а друзии два дни, а инии 3 дни. Преже же мор, был, кровию храчюче мерли, потом же железю разболевшись, ти тако же, два дни или 3 дни полежавше, умираху, железа же одинако, но иному на шее, иному на стегне (бедре), овому же под скулою, иному же за лопаткою»¹⁰⁴.

¹⁰¹ Там же. С. 161.

¹⁰² Шамина И. Н. // Отечественная история. 2003. № 1. С. 148–149.

¹⁰³ Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. М., 1946. С. 54.

¹⁰⁴ Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. М., 1946. С. 52.

Ясно – речь шла о чуме, летописец давал почти классическое описание этой страшной болезни. Следует подчеркнуть, что дальше в летописи прилежный историк подробно описывал распространение чумы, как бы предугадывая правильное объяснение переноса инфекции.

За скупыми строками летописей и бесстрастными констатациями древних историков открываются судьбы отечественной медицины, живые черты деятельности известных и, гораздо чаще, безвестных лекарей. Одно из немногих известных имен – легендарная Евпраксия (1108–1180), внучка Владимира Мономаха, дочь князя Мстислава. Как считал российский историк Х. М. Лопарев, еще девушкой, живя в Киеве, Евпраксия, которую в народе называли «Добродеей», проявляла большой интерес к врачеванию – лечила различные болезни оригинальными снадобьями, приготовленными из трав и корней. В 1122 г. Евпраксию выдали замуж за сына императора Византии Алексея Комнина, и при короновании она была названа Зоей. В Византии Зоя изучила греческий язык и «много занималась в излюбленной ею области, быть может, перечитала доступные ей медицинские сочинения (Галена, Иппократа, Семеона Сифа и др.) и в результате сама написала руководство по медицине, где, между прочим, дает ряд гигиенических советов»¹⁰⁵. Это руководство – один из древнейших русских лечебников «Мази» («Алимма»): единственный уцелевший экземпляр этого руководства хранился во Флоренции, в библиотеке Лоренцо Медичи. В конце XIX в. Лопареву, который и обнаружил во Флоренции этот труд, удалось приобрести копию греческой рукописи «Алимма»: изучив ее, он высказал предположение, что рукопись написана в 30-х годах XII в., а автором этой рукописи (трактата) или, вернее, только извлечения из нее могла быть легендарная Добродея.

Рукопись состояла из пяти частей. В ней были приведены в определенную систему различные разрозненные медицинские сведения, причем особое внимание обращено на гигиену различных сторон человеческой жизни. В первой части речь шла об общих вопросах гигиены, во второй – о гигиене брака и периода беременности, давались советы по уходу за новорожденным ребенком; в третьей части говорилось о гигиене питания; в четвертой части были описаны «наружные болезни» и приводились рецепты различных лекарств, рекомендовавшихся при заболеваниях кожи и зубов; в пятой части рассказывалось о болезнях сердца и желудка. Интересно, что в качестве наиболее распространенных лекарств в рукописи были приведены всевозможные мази, почему, вероятно, и весь труд получил название «Алимма». Этот труд, обобщивший ряд медицинских наблюдений того времени и приписываемый легендарной Добродее, был, очевидно, знаком и использовался лекарями Древней Руси.

Естественно, что прогресс российской медицины и хирургии был прямо и непосредственно связан с развитием национальной культуры. Монастыри продолжали оставаться не только центрами культуры, но и своеобразными очагами медико-хирургической помощи. По-прежнему действовали больницы. Как сообщает, например, летописный сборник, именуемый «Летопись Авраамки», в Новгороде «в лето 6927 (1418 г. – М.М.)... Апреля в 8, в неделю, бысть буря велья с вихром» и в городе от удара молнии начался пожар. Но огонь поразил не все: как подчеркивает летописец, «якоже бо в единно болнице мнозе на одре лежать, да инии от них въставляются, друзии от них различным суды сканьчиваются»¹⁰⁶.

К сожалению, нам неизвестны имена тех монахов-лекарей, которые, следуя христианской традиции, «безмездно» оказывали медицинскую помощь. Древнерусские историки – авторы дошедших до нас старинных летописей – основное внимание уделяли, как мы говорим сейчас, элите общества – великим и удельным князьям, высшим иерархам Православной церкви, и лишь изредка, чаще всего, когда речь шла о болезни представителей элиты, поминали о деяниях лекарей монастырских, да и мирских тоже, об их медицинской практике.

¹⁰⁵ Лопарев Х. М. Византийский временник. 1902. Т. IX. С. 418–453.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. С. 171.

Впрочем, как свидетельствуют летописцы, к врачеванию были причастны и другие священнослужители, подчас самого высокого ранга. Так, успешно, судя по всему, занимался медицинской практикой митрополит Алексей: при князе Дмитрие Донском он, как свидетельствует Степенная книга, «во Орде, царицу Занибекову Тайдулу, слепу и болящу, исцели». О методах его исцеления неизвестно, за исключением того, что «мелебное пение совершив и свещю воска оною, иже сама свеща о себе возжеса, и тамо той свечи возжене бывши и покропив царицу священною водою, и в том чаше прозре царица»¹⁰⁷.

На севере России, в устье Северной Двины, в XV в. прославился как «лечець» основатель Сийского монастыря Антоний. Российский историк В. О. Ключевский называл его «кабальным холопом из крестьян»¹⁰⁸, «двинским крестьянским холопом» – он был сыном новгородского бедняка и местной крестьянки, получил образование и обучался «иконному письму». Антоний был, как писали очевидцы, «баше крепок и мощен телом зело» и много времени отдавал работе в монастырской больнице, которая пользовалась большой популярностью на всем Поморье: «Имеаше Антоний таков обычай, еже в больницу ходити часто и посещати немощнейшую братию и служаще им в нужных потребах, и свитки мыяше своим рукама, воду согрешая и теплою водою согнившая уды их омывая и смердящая раны обязуя». Занимался он и врачеванием – на рисунках он изображался как «лечець добрый», внимательный ко всякой мелочи: он тщательно спрашивает больного о начале болезни, о том, как она протекает, в каком месте ощущается боль, прикладывает ухо к телу больного, ощупывает его «долонью», «перстами». В своем завещании Антоний предписывал «всем лечебникам» (т. е. врачам) заботиться о выздоровлении больных так же, как поступал он сам, «яко же сам делаши»¹⁰⁹.

Да, нельзя не отнестись с уважением, высоко оценить дела многих безвестных монахов-лечцов, деятельность монастырей, которые не только были хранителями медицинской культуры, но и оказывали помощь всем обращающимся. Таких примеров немало.

Во время осады Москвы в 1611 г. (во время Смуты) в Троице-Сергиевом монастыре строили больницы для раненых. Монастырские люди ездили по селам, дорогам, подбирали раненых: «одни были изломаны, обожжены, у других ремни из хребтов вырезали, волосы с головы содраны, руки и ноги обсечены»¹¹⁰. В 1655 г. келарь Иринарх построил своим иждивением в Троицком Калязинском монастыре церковь во имя Алексея Божия человека и при ней больничные кельи¹¹¹. В Соловецком монастыре в XVII в. была «вся братия рядовая и больничная»¹¹²: в этот и другие монастыри даже в XVII в. помещали и больных, и тяжелораненых.

В церковной летописи «Житие Дионисия преподобного» говорится о том, что в 1605 г. «начаша строити козною монастырской дома... и больным людям обрешашеся врачеве и целяху многих и даны были больницы на раненых людей». Известно также, что еще раньше, в начале XVI в., Корнилиев мужской монастырь, что в Вологодской епархии, Печерский в Пскове и другие, учредили «больницы и богадельни для нищих и странных»¹¹³.

На церковном соборе 1681 г. в 3-м предложении царь Федор Алексеевич указывал, что «в Москве и во всех городах устроены больницы для престарелых и больных монахов». Но в монастырях теперь «больничного строения» нет. Собор решил престарелых и немощных старцев «успокаивать» в больнице. Для больных же нищих предусмотрено построить две богадельни¹¹⁴.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 344.

¹⁰⁸ В. О. Ключевский о русской истории. М., 1993. С. 219.

¹⁰⁹ Богоявленский Н. А. Медицина у первоселов русского Севера. Л., 1966. С. 102–104.

¹¹⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. II. 1893. С. 1007.

¹¹¹ О общественном призрении в России. Ч. I. СПб., 1818. С. 30.

¹¹² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. III. 1893. С. 289.

¹¹³ О общественном призрении в России. Ч. I. СПб., 1818. С. 16.

¹¹⁴ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 870–872.

Правда, в вопросе о перманентно позитивной роли духовенства в оказании медицинской помощи существовали различные точки зрения. Еще в начале XIX в. российский историк медицины В. М. Рихтер писал, что даже в XIV столетии «врачебная практика также производима была по большей части несведущим духовенством»¹¹⁵. А историк медицины Н. Я. Новомбергский уже в начале XX в. утверждал: «Что касается монахов – врачей в частности, то они предпочитали молитву, святую воду со крестов и мощей всяким другим целебным средствам»¹¹⁶.

Действительно, не всегда из монастырей исходила поддержка мерам властей, предпринимавшимся для охраны народного здоровья. Так, сохранилось написанное в самом начале XVI в. послание старца Филофея из Псковского Елезарова монастыря, направленное дьяку Михаилу Мунехину против мер, употребляемых во время морового поветрия (в Пскове оно было в 1521 г.). В этом послании старец Филофей осуждал, «якоже вы ныне пути заграждаете, дома печатлеете, попом запрещаете к болящим приходить, мертвых тела из града далече измещети». Все это старец именовал «неразумием», «поганым поношением», «поруганием». Поскольку, считал он, «сия злоба» происходит не «от человек», а от Бога, то противиться этому нельзя¹¹⁷.

Что же, вполне может быть, что все это, как говорится, «имело место»: по пословице, и на старушку бывает проруха. Дело лишь в масштабе явлений, а исключение всегда подтверждает правило.

Думаю, что вряд ли все-таки можно согласиться с утверждениями, что врачебную практику доверяли «по большей части несведущему духовенству» – как свидетельствуют факты, в средневековой России, да и позднее тоже, монахи-лекари были наиболее образованными, компетентными в медицинской профессии. Трудно утверждать и то, что молитву и святую воду монахи-врачеватели применяли вместо целебных средств – скорее не «вместо», а «наряду», причем это дополняло лечение, оказываясь хорошим психотерапевтическим средством.

Например, как свидетельствуют исторические документы – акты Ферапонтова и Кирилло-Белозерского монастырей, патриарх Никон во время 15 лет заточения занимался, в числе других дел, и лечением больных. И, вероятно, он пользовал их очень успешно, потому что за советами и лекарствами народ собирался «перед кельею» его толпами, и особенно женского пола¹¹⁸.

В общем, монахов-лечцов средневековой России можно назвать, придерживаясь современной классификации, прежде всего врачами-терапевтами и психотерапевтами. В то же время именно они, владея методами, унаследованными от своих византийских собратьев или позаимствованными из старинных рукописей, исцеляли раны, язвы, переломы костей и другую, как мы говорим сейчас, «хирургическую патологию», т. е. были еще и врачами-хирургами, оказывали (наряду с мирскими лечцами-резальниками) хирургическую помощь.

По-иному обстояло дело в западнорусских княжествах (Галицкое, Волынское и др.), которые вошли тогда в состав Польши. Здесь уже с конца XIV в. в городах возникли цехи цирюльников, которые, как и повсюду тогда в Европе, получили монопольное право заниматься хирургией. И хотя появились здесь и дипломированные врачи – воспитанники славившейся тогда в Польше Ягеллонского университета в Кракове и Замойской академии, находившейся в городе Замостье, около Львова, все же основную роль в хирургии все еще играли цирюльники: их профессиональные объединения (цехи) продолжали существовать на Украине вплоть до конца XVIII в. Это подтверждает сохранившийся в архивах устав киевских цирюль-

¹¹⁵ Рихтер В. М. История медицины в России. Ч. 1. М., 1814. С. 9.

¹¹⁶ Новомбергский Н. Я. Черты врачебной практики в Московской Руси. СПб., 1904. С. 26.

¹¹⁷ Дополнения к актам историческим. Т. 1. СПб., 1846. С. 20.

¹¹⁸ Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1858. Кн. 3. С. 145.

ников, относящийся к 1769 г.: в нем указывается, что «оное мастерство цирюльничье имеет состоять в том: брить, кровь жилную и зашкурную пускать, раны гоить рубаные и стреляные, а особливо в вырывании зуба и в излечении французской и шолудней болезней, в поставке пластов и в шлифовании бритов»¹¹⁹. Цирюльники, в основном, представляли медицину в XVI–XVII вв. в Запорожской Сечи¹²⁰.

Таким образом, в круг «медицинских» обязанностей цирюльников, практиковавших на Украине, входило и лечение считавшихся тогда хирургическими кожных и наружных болезней. Стоит добавить, что обучение в цехе украинских цирюльников (по методу ремесленного ученичества) продолжалось целых шесть лет – почти как в современном медицинском университете...

По данным древних летописей

Бесценные свидетельства о прошлом медицины в нашем Отечестве оставили нам древнерусские историки – летописцы. В самом деле, древнерусские летописи – это искусно составленные исторические энциклопедии, в которых содержатся богатый и разнообразный исторический материал по самым различным вопросам; затрагиваются в них и некоторые медицинские проблемы, чаще всего связанные с болезнями сильных мира сего и с непередаваемо страшными тогда «моровыми поветриями».

Вот, например, что рассказывает Ипатьевская летопись о болезни (1289 г.) князя Владимира Васильевича Волынского: «Нача емоу гнити исподнаго оуоустна первого ле мало на другое и на третье болма нача гнити и еще же емоу не вельми болноу но ходашь и ездашь на коне... Исходящоу же четвертому летоу и наставши зиме и нача болми немочи и впада емоу все мясо с бороды и зуоби исподний выгниша вси и челюсть бородная перегни се же бы вторы Иев... Илеже потом вон не вылазя но болми нача изнемогати и впада емоу мясо все с бороды и кость бородная перегнила бяше и бы видити гортань и не вокоуша по семь недель ничего же разве одиное воды и то же по скоудоу и бы в четверг на ночь поча изнемогати и яко бы в коуры и позна в собе их изнемогаю ко исходу дши и созрев на нбо и воздав хвалу Боу... и тако преставися благоверный холубивый великий князь Володимер он Василков вноук Романов... преставление же его бы во Любомли горо»¹²¹.

Благодаря этому документальному и красочному описанию, автор которого фиксировал все изменения в состоянии здоровья князя (и делал это, по-видимому, со слов лечившего его врача), современный медик может распознать заболевание, о котором идет речь: скорее всего, это был рак нижней губы.

К сожалению, летопись не сообщает, как лечили князя, – может быть, еще и потому, что исход лечения оказался фатальным.

Нет в летописи, увы, ничего и о том, как лечили князя Дмитрия Донского во время его последнего заболевания. В рукописи «О житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского» о его болезни сообщается так: «Потом разболеся и прискорбен бысть велми, и паки легчая бысть ему, и възрадовавшася великая княгиня и сынове его радостию великою и велможа его; и паки впаде в большую болезнь и стенание прииде в сердце его, яко и внутреним его терзатися, и уже приближыся ко смерти душа его». Князь попрощался с близкими: «И целовав княгиню свою, и дети своя, и бояры своя, конечное целование дав им и благослови их, и причну руце свои к переем, и тако предаст святую свою душу и непорочную в руце истиннаго Бога».

¹¹⁹ *Верхратский С. А.* // Новый хирургический архив. 1957. № 5. С. 18.

¹²⁰ *Рудая С. П.* // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2003. № 6.

¹²¹ ПСРЛ. Т. 2. Изд. 2. СПб., 1908. С. 914–918.

Гораздо подробнее и квалифицированнее освещает летописец болезнь Василия III (отца Ивана Грозного). Впрочем, это не удивительно, поскольку при дворе Василия III были иноземные врачи, – они, конечно же, помогали в описании заболевания. Можно добавить, что в конце XV – начале XVI в. московские государи многое делали для того, чтобы призвать в страну иностранных специалистов, в том числе врачей. Так, в числе 123 иностранцев, набранных в 1534 г. на русскую службу посланным с этой целью за границу Гансом Слетте, было завербовано 4 доктора, 4 аптекаря, 2 оператора, 8 цирюльников и 8 подлекарей. Но по проискам Ганзы (Ганзейского союза, которому тогда принадлежала торговая гегемония в Северной Европе. – М.М.) все они были задержаны властями Любека и в Россию не попали¹²².

Исторические изыскания, анализ древнерусских летописей позволили выяснить кое-что о врачах-иностранцах, трудившихся при дворе Василия III. Так, Н. М. Карамзин писал о каком-то враче – греке по имени Марко, который прибыл ко двору русского царя из Константинополя, уже несколько десятилетий находившегося во власти турецкого султана. Султан в письме Василию III просил отпустить Марко домой, к семье, так как он якобы приехал в Россию только по торговым делам. Но русский царь не пожелал сделать этого и так отвечал султану: «Марко издавна служит мне добровольно, и лечит моего новгородского наместника: пришли к нему жену и детей»¹²³.

По данным современных российских историков, Марк Грек подвизался в Москве как лекарь и купец. Сначала русские дипломаты хлопотали в Константинополе о том, чтобы султан разрешил его жене выехать на Русь, – видимо, греческий врач приехал в Москву надолго, с самыми серьезными намерениями. «Марк вел доверительные беседы с государем (Василием III. – М.М.), из чего следует, что он был одним из придворных лекарей»¹²⁴. Впоследствии, правда, его планы изменились, что, видимо, и послужило причиной просьбы турецкой стороны отпустить его в Константинополь. По словам жившего тогда в Москве императорского посла Сигизмунда Герберштейна, Марк Грек первым осмелился высказать Василию III резкие замечания по поводу «тяжких заблуждений русского православия». За это он был тотчас взят под стражу и бесследно исчез, все попытки вызволить его из беды окончились ничем¹²⁵.

Несколько позже, как сообщает летопись, при дворе Василия III было уже два иноземных врача – Николай Булев (Луев) и Феофил.

Николай Булев был родом из богатого немецкого города Любека. Известно, что он окончил университет в Падуе, был даже профессором медицины и астрологии (в то время – нередкое сочетание). В Россию он приехал вместе с Юрием Делатором, послом императора Священной Римской империи, и остался здесь практиковать.

Правда, по другим данным, ученый медик и ревностный католик из Любека, сторонник церковной унии Католической и Православной церквей, или, как говорят сейчас, экуменической идеи, Николай Булев был приглашен на Русь в 1489–1491 гг. и должен был помочь в составлении новых Пасхалий – таблиц, содержащих ключевые слова и круги, для нахождения времени пасхи и других подвижных праздников. Умный и образованный врач, Булев понравился царю Василию III, который сделал его своим придворным медиком.

Сначала Булев жил в Новгороде, где, по некоторым сведениям, был переводчиком при архиепископе Геннадии; затем, когда Геннадий был переведен в Москву, в Чудов монастырь, он вместе с ним переехал в Москву и вскоре стал врачом самого царя. Он был, очевидно, зна-

¹²² Любименко И., 1917.

¹²³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VII. 1834. С. 112.

¹²⁴ Скрынников Р. Г. История российская IX–XVII вв. М., 1997. С. 242.

¹²⁵ Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 214.

ющим врачом – недаром имперский посол Франциск ди Коло, посетивший Москву в 1518 г., почтительно именовал его «профессором медицины, астрологии и других основных наук»¹²⁶.

Однако жизнь в России не пришлась ему, видимо, по нраву, и он написал домой о своем желании возвратиться в Германию. Письмо дошло до императора Максимилиана. Когда в 1519 г. в Москву приехал посол императора Ян Криштон, он при первом же свидании с боярами просил передать царю просьбу своего повелителя «о деле некоего Магистра Николая Любчанина, который некогда приехал в се страны с... послом с Юрьем с Делатором... чтоб Наяснейший Начальник взводил его отпустить, чтоб ему кости свои донести до своего родства»¹²⁷.

Но Василий III не захотел, вероятно, отпускать своего врача, и поэтому императорский посол при очередном свидании с боярами вновь повторил просьбу отпустить Николая Булева: «И послы о том в писание ответа просили, отпустит ли Князь Великий Николая? Да о том поговорил не мало, чтобы им тому ответ дали; и Федор (царский боярин Федор Карпов. – М.М.) им то отговорил»¹²⁸. Другими словами, переговоры о судьбе Николая окончились ничем, царское решение осталось неизменным. Врач Булев так и остался в Москве, где прожил до конца жизни.

Интересно, что Булев пытался претворить в жизнь идею о церковной унии католиков и православных (как говорят сейчас, экуменическую идею). По свидетельству монахов Иосифо-Волоколамского монастыря, Булев написал письмо брату известного церковного деятеля Иосифа Волоцкого, в котором отстаивал идею единства веры и «приводил» истинное русское православие «к соединению латынскому»¹²⁹. Известно также, что Булев был знаком с Максимом Греком – известным ученым-энциклопедистом и богословом, тоже воспитанником итальянского университета, жившим в то время в Москве. Николая Булева считают переводчиком с немецкого на русский нашей первой медицинской энциклопедии – Вертограда 1534 г.¹³⁰

Феофил, как и Николай Булев, тоже был родом из Любека, его знали в придворных кругах германских государств. Дитрих Шонберг, посланник Прусского магистра Альбрехта, который в феврале – марте 1517 г. вел переговоры с Василием III, однажды обратился к русскому царю с просьбой – как сказано в посольской книге, «туто ж бил челом великому князю от магистра о Фефиле о немчине, чтоб его пожаловал отпустил к магистру». Однако врач Феофил был, очевидно, тоже, как и Николай Булев, необходим Василию III, и тот не удовлетворил просьбы посланника: «Князь великий ему о Фефиле велел отвечать: тот человек у нас лечит человека доброго, и нам его ныне отпустить непригож». Но, добавил русский царь, «а впредь аж даст Бог, Фефила к магистру отпустим»¹³¹. Это обещание оказалось невыполненным – царь не хотел лишаться врача.

Когда через год Дитрих Шонберг снова приехал в Москву, он опять поднял вопрос о возвращении Феофила на родину, сказав об этом приближенным боярам. Как свидетельствует посольская книга, «о Фефилове брате бояре ему говорили от себя: о том немчине государю есмя еще того не сказали, а опытали есмя, что у него многие дети боярские на руках, лечит их, да и женился сказывают; а дасть Бог, о том попытаемь». Домой врача так и не отпустили. «А немчина ему, Фефилова брата, не отдали, а отговорили ему тем, что Фефилов брат женился»¹³².

Таким образом, оба врача, формально свободные люди, вынуждены были остаться работать в России, продолжали лечить (и не только взрослых) и пользоваться уважением: Феофила,

¹²⁶ Кремлевская медицина. М., 1997. С. 10.

¹²⁷ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. С. 416.

¹²⁸ Там же. С. 424.

¹²⁹ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 356.

¹³⁰ Богоявленский Н. А., 1970.

¹³¹ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 53. СПб., 1887. С. 23.

¹³² Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 53. СПб., 1887. С. 54–55.

например, в 1537 г. посылали для освидетельствования князя Андрея Ивановича Старицкого в Новгород «и Фефил приехав сказал, что болезнь его легка; сказывает на стегне болячка, а лежит на постеле»¹³³. Однако помочь самому царю, когда он заболел, эти врачи все-таки не смогли.

Вот что повествуется в летописи о болезни Василия III: «В лето 7042 (1533 г. – М.М.) сентебря... начат немощи: и явися у него мала болячка на левой стране на стегне, на сгибе с булавочную головку, вреху же у нея несть, ни гною въ ней несть же, а сама багрова».

Сначала Василий III не обращал на «болячку» внимания и ездил даже в свои имения. Но боль становилась все сильнее. «Наутрия же, в понедельник, князь великою нужею донде до мылни; и за столом седе в постелных хоромехъ нужею». И хотя великий князь старался превозмочь болезнь и даже ездил охотиться, ему становилось все хуже, «болезью же обдержим скорбяще».

Далее события развивались так. «И нача к бользни своей призывати князя Михайла Лвовича Глинскаго; а к Москве посла воскорее по дохторов своих по Миколая по Булева да по Фефила. И Миколой и Фефил приехаша, и по совету со князем Михаилом со Лвовичем начаша прикладывати к болячке муку пшеничную с медом пресным и лук печеной, от того болячка нача рдетися; они же начаша прикладывати и учинися на болячке аки прыщ мал и явился въ ней мало гною».

Но состояние Василия III не улучшалось, и так как он уже не мог сесть на коня, его пришлось из имения, где он находился, выносить на носилках. «А из болячки мало гною изсякаючи, верху же у нея несть; рана же у нее аки иглоу уткнута, а не прибудет ея, ни убудет. И повеле же князь велики прикладывати масть к болячке, и нача из болячки итти гной помалу, и поелику болши, яко до полутаза и по тазу».

Но и это не помогло. «И тогда же в грудех ему быють тягость, и того ради взяша горошки и семянники, и с того пронесе ему на низ, а болезнь его тяжка; и после того порушися ему ества, не нача ести».

Летописец подробно описывает ход болезни: снова «выйде из болячки гною, яко боле таза, и выйде из нее стержень боле полуторы пяди, но еще не весь стержень выйде из нее; князь же велики о том обвеселися, чая болезни своя облегчения».

Василий III решил, очевидно, применить к своей болезни какой-то другой способ лечения и, невзирая на присутствие врачей, послал за Яном Малым – одним из своих придворных, который был у него гетманом и, очевидно, занимался знахарством: «Посла к Москве по гетмана своего по Яна по Малого; Ян же воскорее приеде и нача прикладывати к болячке масть обычную, от Яновы же масти мало оток поля-же». Из Волоколамска Василия III привезли в монастырь «в каптане и не исхождаше от постели нимало, но пребываше на постели, и обращаху его со страны на страну, понеже изнеможе от zelные болезни и брашна мало вкушаше».

По дороге в Москву князь остановился в селе Воробьево, «и бысть в Воробьево два дни, от болезни zelная стража и изнемогающе».

Не стало ему лучше и в Москве, куда его вскоре привезли «и внесоша его в постелные хоромы». Состояние продолжало ухудшаться: «Князь же велики велми скорбяще и изнемогающе, болезни же своей не чуяше, а раны у него не прибываше, токмо дух от нея тяжек. Идущи же из нея нежди смертный, и призва тогда... и докторов своих Николая Булева да Фефила, чтобы прикладывати к болячке масть, или бы нечто пустити в рану, чтобы от нея духу не было».

Свои советы по лечению начал давать великому князю его приближенный, боярин Михаил Глинский. «И нача ему говорити боярин его Михайло Юрьевич, тешачи государя: «государь князь велики! чтобы водка нарядите и в рану пущати и выжимати; ино, государь,

¹³³ Никоновская летопись. Ч. VII. С. 14.

ведячи тебя государя такова истомна, чтобы, государь, спустите с день или с два, чтобы было, государь, хотя мало болезни твоей облегчение, ино бы тогда водки пустити».

Только в этот момент, как говорится в летописи, к царю был приглашен врач Николай Булев. Древнерусский историк пишет: «Князь велики призва Николая и нача ему говорити: «Брате Миколае! видел еси мое великое жалованье к собе; мощно ли тебе что сотворити, масть или иное что, чтобы облегчение болезни моей?» Миколай же отвеща великому князю: «видел есми, государь, к собе твое государево жалованье великое: аще бы мочно, тело бы свое раздробил тебя ради государя, но моя мысль не имет опричь Божией помощи». Князь же велики отвратися и нача говорити детем боярским и стряпчим своим: «братие! гораздо Миколай надо мною познал мою болезнь, нечто неспособная».

Будучи уже при смерти, Василий III сказал священнику: «видиши сам, что лежу болен, а в разуме своем». Конец его жизни приближался; «не нача языком изглаголювати... и тогда рука его правая не начат подыматися... Преставижеся князь велики Василей Иванович... месяца декабря в 3»¹³⁴.

Таким образом, летописец начала XVI в. приводит почти клиническое описание хода заболевания, которое было, по всей вероятности, гнойным воспалением тазобедренного сустава (гнойный артрит). Способы лечения – обычные в то время при подобных заболеваниях – эффекта не дали (да и не могли, наверное, дать).

Вот как комментировал это в начале XIX в. В. Я. Джунковский, один из первых историков медицины России: «По случаю приключившейся Великому Князю болезни, которая, вероятно, не что иное была, как веред, помянутые врачи прикладывали к оному муку пшеничную с медом пресным и лук печеной, от чего, как пишется, болячка стала рдеть»¹³⁵.

Терапевтические и хирургические методы

Древнерусские летописи в известной мере позволяют нам судить о тех заболеваниях, которые были распространены в средневековой России. По количеству пострадавших преобладали тогда, как и в других странах Европы, «моровые болезни», прежде всего чума, хотя отмечались эпидемии и других заболеваний.

Чума, «черная смерть», была страшным наказанием, не щадившим никого. Так, в середине XIV в. случился «великий мор», погубивший множество людей. Он принесен был по Волге «с низу» в Нижний Новгород, откуда перекинулся в Коломну, из Коломны в Переяславль-Залесский, а на следующий год (1364) появился в Москве и во всех московских волостях. В Переяславле в иной день умирало 20–30, порой 60 и 70 человек; как свидетельствовал летописец, «а таковы дни бывали – поболее ста человек на день умирало».

Новое испытание постигло страну через несколько десятилетий. В XV в. (1417) летопись сообщает, что опять был великий мор (и, судя по всему, той же болезни – чумы) в Новгороде, Пскове, Твери, Дмитрове, Москве, многих других местах. Летописец утверждал, что «на Москве начался мор злее первого (т. е. происходившего в XIV в.), живые не успевали мертвых погребать».

Об этом же – об эпидемиях повальных болезней – говорилось не только в летописях, но и в свидетельствах иностранцев, побывавших тогда в России. Так, английский купец Джером Горсей писал, что в 1575 г. в стране было «моровое поветрие», а потом начался голод: из пострадавших «самые слабые были распределены по монастырям и больницам, где получили помощь»¹³⁶. Немецкий купец и сенатор города Данцига С. Нейгебауер (который сам, правда, в

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 267–274.

¹³⁵ Джунковский В. Всеобщий журнал врачебной науки. СПб., 1811. С. 12–13.

¹³⁶ Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 125.

России не был, но использовал многочисленные свидетельства своих коллег и записки императорского посла С. Герберштейна) тоже упоминал о таком: «И здесь господствуют особенного рода болезни, подобные заразе, состоящие в боли внутренностей и головы, – писал он. – Они здесь называются горячкою. Одержимые такой болезнью умирают в короткое время... В случае морового поветрия, которые нередко случаются в Новгороде, Смоленске и Пскове, москвитяне, опасаясь заразиться оным, никого к себе не допускают из сих мест»¹³⁷.

В 1605 г., после поражения Лжедмитрия и осады города Кромы, в русском войске, посланном царем Борисом Годуновым, началась какая-то эпидемия. «Грех ради прииде под кромы на ратных людей скорбь велия... сие нещастие вскоре последуемо было другим, то есть нашедшею болезнью – поносом на воинство российское». Из-за этой-то болезни (очевидно, дизентерии, а, может быть, брюшного тифа или даже холеры) смертность была очень велика, войско быстро уменьшалось. Когда весть об этом дошла до царя, «Годунов, по совету обретающихся в Москве врачей, послал нужные лекарства»¹³⁸.

По описаниям летописцев, нередко встречались тогда также цинга (которую вплоть до начала XX в. считали инфекционной болезнью), различные «кровавые поносы» (очевидно, брюшной тиф, дизентерия, холера). При этом в некоторых летописях, в соответствии с господствовавшими в средневековом обществе представлениями, причиной этих болезней считали «порчу», «сглаз», «нечистую силу», «волхование». Даже в 1632 г. царь Алексей Михайлович писал псковским воеводам, что, по словам лазутчиков, «в литовских городах баба ведунья наговаривает на хмель, который из Литвы возят в наши города, чтоб: этим хмелем на людей навести моровое поветрие». Вследствие этого запрещено было под страхом смертной казни покупать хмель в Литве¹³⁹.

Помимо образованных (в той или иной мере) врачей-монахов, пользовавшихся своих пациентов в монастырях, в средневековой России действовали, как указывалось выше, многочисленные мирские врачи, профессиональные лечцы, постигавшие азы своей профессии в порядке ремесленного ученичества, часто в семьях потомственных целителей. Среди них преобладали специалисты «терапевтического» профиля, применявшие в своей практике довольно широкий круг методов консервативного лечения различных заболеваний с помощью лекарств, почерпнутых, главным образом, из арсенала народной медицины и проверенных столетиями лечебного опыта. Однако, как указывалось выше, были среди них и лечцы чисто «хирургического» профиля – резалники: среди них различались костоправы («травматологи»), камнесечцы (специалиста по лечению болезней мочевого пузыря), кровепуски и рудометы (они пускали кровь), кильные мастера (занимались лечением килы, т. е. грыжи), чечуйные (лечили геморрой). Позднее, в XV–XVI вв., в России появились и другие специалисты – алхимики, «лекари польской породы» и др.

Существуют определенные представления о способах и приемах врачевания, которые использовали медики средневековой России – и врачи-монахи, и мирские врачи. Установлено, например, что, считая причиной болезни «неправильное смешение телесных соков», они старались привести их в «доброе сочетание» и потому применяли кровопускание, «жежение» (каутеризация), заволоки, а также средства промывательные, рвотные, отхаркивающие, потогонные и пр. (все это соответствовало в основном западноевропейской медицине и хирургии Средневековья).

Правда, о делах русских лекарей, об их практике, об их методах лечения в древнерусских летописях говорится до крайности мало. На это еще в XIX в. обращали внимание российские историки медицины. «Отчего же врач наш оставил так мало следа в летописях и других источ-

¹³⁷ Там же. С. 27.

¹³⁸ Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774. С. 38–39.

¹³⁹ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 1365.

никах? – задавал вопрос Л. Ф. Змеев и отвечал так: – Частью летописи, как произведения монахов, хотя бы и руководимых высшим сословием, не особенно сочувственно, а скорее враждебно могли, как представители противоположной христианской идеи, отнестись к врачу, все еще отзывавшемуся народным язычеством... Духовенство в былое время своим учением более всего способствовало исчезанию народного врача»¹⁴⁰. Эта точка зрения заслуживает внимания, хотя, по нашему мнению, отнюдь не является бесспорной.

Вероятно, все-таки, причин было несколько, например, неосведомленность летописцев в медицине, традиционно превалирующее внимание к власти предрешающим и пр.; основным, может быть, было изначально скептическое отношение церкви к этим лечцам, которые наряду с народной медициной применяли и сурово преследовавшиеся православием методы волхования, пришедшие еще из языческих времен. Нельзя исключить, впрочем, и элемент своеобразной конкуренции с врачами-монахами, с монастырской медициной.

Во всяком случае, неопровержимым является факт, что и те, и другие, используя более или менее разнообразные способы и средства лечения, занимались исцелением различных болезней: древнерусские летописи подтверждают это.

В рукописи XV в. «Слово об исцелении болезней миром» рекомендовалось, в частности, «аще же болезнь очима, такоже, по окончании литургия, помажет ерей малечко; такоже и на всем теле, где коли прилучится болезнь, иереи такоже взимают святого мира и помазает болящая». Этот метод советовали использовать и при венерических и гинекологических заболеваниях, «аще же прилучится болячка на срамных удех, аще у мужа или у жены». При этом, однако, полученное от иерея «миро» больной должен был применять сам: «Тако возьм своею рукою от мира святого кистицю, и помажет сам болячку свою, яже на тайных его удех; или муж, или жена, невозбранно ест»; при этом «егда съхраняется, муж к жене, да не приближается в той день и ночь, да не приближается к пианству»¹⁴¹.

Это – пример «терапевтического» лечения, с использованием целебной мази («миро»), приготовленной монахом-врачом (иереем).

Хотя терапевтические способы лечения в практике русских лекарей, как уже подчеркивалось, преобладали, все же и хирургия занимала в медицине средневековой России определенное место.

Об использовании различных хирургических методов лечения свидетельствуют запечатленные в летописях своеобразные «истории болезни» русских князей. Так, в Никоновской летописи описано, как в «лето 6949» (т. е. в 1441 г. – М.М.) долго болевшему князю Дмитрию Юрьевичу Красному («болячка в нем движется, и бысть болезно тяжка ему зело») во время причащения оказал квалифицированную медицинскую помощь его духовник отец Осия: «У него тогда кровь пустился, из обою ноздрю яко прутки течаху, и много иде ея, нелзе бе причастия дати ему, но стоаше священник с причащением в сенях, ожидая. По сем же кровь начять надниматися: отец же его духовный, Осия именем, священноинок, заткну бумашкою ноздрю его; князь же, встав, сplete божественное причастие... и възлеже на постелю свою»¹⁴². Этот факт удостоверяет и Степенная Книга¹⁴³. Таким образом, летописи подтверждают, что при сильном кровотечении врачи средневековой России успешно использовали метод тампонады – именно его применил у князя Красного врач-монах Осия.

Древнерусские историки сообщали об использовании метода прижиганий (с помощью горящего трута). По свидетельству Никоновской летописи, в «лето 6970» (в 1462 г. – М.М.) великий князь Василий Васильевич «чаял себе, сухотные болести, повеле жеци ся, якоже ест

¹⁴⁰ Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. С. 128, 131–132.

¹⁴¹ Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. СПб., 1862. С. 216.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 38.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. 21.4.2. С. 489.

обычай болящим сухотною, и повеле ставити, зажигаа труд той на многих местех помногу, ид еже и не бе ему никоеа болезни, тогда бо и не чюеше того». Таким образом, был применен общепринятый тогда метод лечения сухотной болезни («яко же есть обычай болящим сухотною»), причем говорится и об использованной методике («зажигая труд той на многих местах помногу»). К сожалению, примененный метод не помог: «Егда же разгнишася раны оны, и бысть ецу болезнь тяжка... Ив той болезни преставися...»¹⁴⁴.

Стоит добавить, что, как отметил еще в начале XIX в. историк медицины В. М. Рихтер, «сие наружное средство (прижигания. – М.М.)... очень сходствуют с введенною после в хирургию моксою и искусственно вызываемыми фонтанелями»¹⁴⁵.

Известный свод древнерусских памятников (оригинальных и переводных) «Великие Миней Четьи», представлявший собой 12-томный свод ежедневного чтения (по месяцам), ставил своей целью собрать «все чтомые книги, которые в Русской земле обретаются», и действительно включал очень многие древнерусские оригинальные и переводные памятники, главным образом житийные, но также исторического, риторического и иных жанров. Свод называют иногда «первой русской энциклопедией». Его составление относится к XVI в. – оно было начато в Новгороде в 1529–1530 гг. и закончено в Москве в первой половине 50-х годов под руководством митрополита Макария, крупного церковного и культурного деятеля.

В этом своде древнерусских памятников содержится «Житие святого Андрея, Христа ради юродивого», отрывок из которого («О Феодоре мученице») представляет определенный интерес с историко-медицинской точки зрения. Рассказывается, как екаرخ отрока Феодора «повеле на древе повесити его, и строгати и мучити его». Отрок «много же зла претерпев, на древе вися; к вечеру снемше, всадиша его в темницу». В конце концов Феодор возвратился домой, где «вопрашаху его дружина и близочи и родителя, лобызающе язвы его, глаголюще: что еси слышал, Феодоре, егда на древе висяше и святую сию плоть ногты драху?» И отрок рассказал, что «егда мя повесиша на древе и начаша мя, исперва одва претерпех», к нему приблизились «4 скопци красни велми во одежи беле», причем один держал «медяницу», другой «голек мира», а остальные двое – «полотенца бела яко снег». И вот «рече держащему златой голек: влей семо».

Обратим внимание на дальнейшее: «Яко нача лиати, течаше миро яко видение молниино, и прихожаше ко очима моима и к ноздрема, а ноздрьми по всему телу моему расходящися, яко от воня мира того не чюях страшных болезней, бывающих ми от муки. Един же, намакая платно в медяницу, прикладаше ми к лицу и держаше ми на многы часы, тако сластию воня тоя забыл бых болезни своея.

Паки взимающю тому платно от лица моего, другой стояше готов наложить хотя; и тако пребыста творяща, донележе мучащей мя престаша и со древа сняша». Интересно и такое замечание Феодора: «И лишився воня тоя сладкиа, велми начах тужити: хотел бо бех, да быша мя мучили еще. Бог бо весть, яко тако есть дело то, такоже ум человеческ разумети не может»¹⁴⁶.

Нет сомнений – перед нами документальное и очень точное описание общего обезболивания, того его вида, который впоследствии получил название «ингаляционного наркоза». Поскольку святой Андрей жил в X в. (его «Житие» было написано в конце X в.), то весьма логичным будет считать, что общее обезболивание применялось тогда в медицинской практике, скорее всего – при хирургических операциях. Н. А. Богоявленский, комментируя этот факт, прямо пишет, что «“Житие Андрея Юродивого” иносказательно приводит рассказ боль-

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 12. С. 115.

¹⁴⁵ Рихтер В. М. Указ. соч. Ч. 1. С. 95.

¹⁴⁶ Великие Миней Четьи. Октябрь, дни 1–3. СПб., 1870. С. 223–224.

ного, подвергшегося “резанию” под наркозом»¹⁴⁷: правда, на это в рукописи никаких указаний нет.

О том, что в средневековой России лечение у хирурга было обычным делом, можно говорить вполне определенно. Это подтверждают и документальные свидетельства.

В 1556 г. царь Иван Грозный написал в Новгород грамоту дьякам Федору и Казарину Дубровскому. «Бил нам челом, из Великого Новгорода, Вотцкие пятины, Гриша Федоров сын Нащокина, – говорилось в грамоте, – о том, что он был на нашей службе с воеводою со князем Андреем Ивановичем Ноктевым в Неметцкой земли, и было деи им дело с Неметцкими людми, и на том деи его деле ранили из пищали по ноге, и ядро деи... в ноге. – И как к вам ся наша грамота придет, и вы б ему дали мастера, лекаря, кому бы у него мочно ядро из ноги вывести, и рана бы мочно излечити»¹⁴⁸.

Медицинская, в том числе хирургическая, помощь простому народу, в частности лечение ран, в какой-то мере обеспечивалась законодательно – об этом свидетельствует Судебник 1589 г., предназначенный, по словам Б. Д. Грекова, «специально для суда среди крестьянства северных черносошных волостей»¹⁴⁹. В статье 53 «А о изъедистой лихой собаке» говорилось: «А у кого во дворе или под окном на улице и в ызбе собака изъест стороннего человека, ино чем тот раненой пожалует, или кормить и поить и рана личить покаместа изживет, тому на дому своем, чья собака»¹⁵⁰. Иными словами, пострадавший мог по приговору есть, пить и, самое главное, лечить рану за счет хозяина покусавшей его собаки, в его доме.

Разумеется, принятые тогда хирургические способы лечения (как, впрочем, и терапевтические) не всегда приводили к исцелению: это подтверждают приведенные в летописях «истории болезни» Василия III и других князей. Не смогли помочь лечцы, как свидетельствует летопись, и владетелю Казанского ханства. Как сообщается, «царь казанский Магмет-Аминь занемог жестокою болезнию: от головы до ног, по словам летописца, он кипел гноем и червями; призывал целителей, волхвов и не имел облегчения; заражал воздух смрадом гниющего своего тела»¹⁵¹: и здесь медицина оказалась, к сожалению, бессильной.

Можно, однако, утверждать, что методы, использовавшиеся древнерусскими врачами, соответствовали в основном тем, что применялись тогда в Западной Европе. Это подтверждает известный факт об одном из первых зарубежных врачей в Московском государстве.

Как свидетельствует Никоновская летопись, «в лето 6998» (1490 г. – *М.М.*) прибывший в Москву из Рима князь Андрей, брат жены Ивана III, великой княгини Софьи (Софьи Палеолог), привез с собой к его двору, в числе других, «лекаря мистр Леона Жидовина из Венеции»: врач должен был исцелить сына великого князя Ивана, Ивана Молодого, который «болел камчюгом в ногах (скорее всего, артритом, может быть, подагрой или другим заболеванием суставов. – *М.М.*). И видев лекарь Жидовин, мистр Леон, похвалоуся, рече великому князю Ивану Васильевичу, отцу его: «Яз излечю сына твоего великого (князя) от тоя болезни, а не излечю яз, и ты вели меня смертию казнити». И князь великий Иван Васильевич (Иван III. – *М.М.*), поняв веру речем его, повеле ему лечити сына своего великого князя. И нача его лечити: зелье пити дасть ему и жещи стъкляницами по телу, вливая горячую воду».

Однако этот метод лечения (вантузы) не помог сыну великого князя: «И от того ему тягчаа бысть и оумре». Трагически окончилась и жизнь врача: «И того лекаря мистро Леона

¹⁴⁷ Богоявленский Н. А. // Вестник хирургии. 1958. № 7. С. 135.

¹⁴⁸ Дополнения к актам историческим. Т. 1. СПб., 1846. С. 156.

¹⁴⁹ Судебники XV–XVI вв. М.—Л., 1952. С. 9.

¹⁵⁰ Там же. С. 365.

¹⁵¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 7. СПб., 1889. С. 66.

велел князь великий поимати и после сорочин сына своего великого князя велел его казнити, главы ссечи. И ссекожа ему головы на Болвановьи, априля во 24»¹⁵².

Небезынтересно, что в исторической литературе по поводу смерти сына Ивана III высказываются догадки, якобы наследник престола пал жертвой династической борьбы. Что-нибудь определенное на этот счет сказать трудно. Известно лишь, что позднее князь Курбский писал, что наследник был погублен Иваном III и Софьей¹⁵³.

Еще раньше такой же трагической, как свидетельствует летопись, оказалось судьба другого иноземного лекаря – немца Антона. «Того же лета (в 1483 г. – *М.М.*) врач некий Немчин Онтон приехал к велик, князю, – писал древнерусский историк, – его же в велицей чести держа князь велики его, врачава же князя Каракучу царевича Даньяра, да умори его смертным зелием за посмех; князь же велики выда его сыну Каракучеву, он же мучив хоте дати на окуп, князь же велики не повеле, но веле его убити; они же ведше его на реку на Москву под мост, зиме, да зарезаша его ножем, яко овцу»¹⁵⁴. Это произошло за семь лет до истории с Леоном.

Вряд ли все это свидетельствовало о какой-то особой жестокости и кровожадности Ивана III по отношению к врачам. Трагические события, разыгравшиеся тогда при дворе русского царя, были отголоском таких же точно трагедий, происходивших в мрачные времена Средневековья в Западной Европе. Например, вестготские законы, обнародованные королем Теодориком и действовавшие еще в XI в., предусматривали, что «за вред от кровопускания, причиненный дворянину, полагалась пеня (штраф) в 100 solidi, в случае же смерти его, врач выдавался головой его родным, которые, следовательно, имели право делать с ним что угодно»¹⁵⁵. Таким образом, у случившегося в Москве были, оказывается, исторические прецеденты.

Что ж, как говорится, каковы времена, таковы и нравы. Времена были по-средневековому жестокими, да и нравы – совсем не милосердными, под стать тем временам. Вряд ли кто-нибудь возьмется сейчас «оправдывать» те нравы, а тем более те времена.

Важно, однако, отметить небезынтересную деталь. Царь Иван III без раздумья предал смерти врача-иноземца, который не смог сохранить жизнь его сыну Ивану Молодому. Но уже через каких-то четыре десятилетия, когда такие же врачи – иноземцы Николай Булев и Феофил вновь не смогли спасти жизнь другого сына Ивана III, царя Василия III, их и не подумали казнить или подвергнуть какому-то наказанию: в российском обществе созрело, очевидно, понимание ограниченных возможностей тогдашней медицины, несовершенства используемых ею методов лечения. Жаль, конечно, что такого понимания не было, когда решалась судьба врачей Антона, Леоны, а также их коллег Ивана и Матвея Лукомских: эти польские врачи были в 1493 г. сожжены в железных клетках по подозрению в привозе ядов для отравы великого князя¹⁵⁶.

Судя по всему, примененный Леоном метод не был, очевидно, неизвестным для русских лекарей. Историк российской медицины В. М. Рихтер считал, что при «стинутых килах» (ущемленных грыжах), а также при некоторых местных болезнях матки, «с великою пользою и притом особым образом употреблялись в нашем отечестве некоторые механические средства». Это и были вантузы – накидывание на живот больших безвоздушных горшков. Позднее, в начале XIX в., российский врач И. Д. Гильтебрандт «в особом сочинении описал весьма обстоятельно, что в упорном стеснении килы они (вантузы. – *М.М.*) и тогда доставляли

¹⁵² ПСРЛ. Т. 21. П., 1921. С. 207.

¹⁵³ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 67.

¹⁵⁴ Софийская летопись. П., С. 235.

¹⁵⁵ Ковнер С. История средневековой медицины. Вып. 2. Киев, 1897. С. 356.

¹⁵⁶ Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. С. 147–148.

совершенную помощь, когда килорассечение (*herniotomia*) казалось необходимым», а также при неполном выпадении матки¹⁵⁷.

Русские лекари использовали рациональные методы лечения «хирургических» заболеваний. Так, при лечении ногтеода (панариция) держали больной палец в теплой воде; после нагноения прикладывали печеный лук или соль с черным хлебом. Использовали (при вывихах) пластырь из уксуса, золы и отрубей, а также мальхан (мазь) из медвежьего сала, масла, квасцов и яичного желтка; применяли мальхан и при лечении ружейных ран, причем свежую рану сначала промывали разогретым квасом, а потом уже накладывали мальхан¹⁵⁸.

Старинные медицинские рукописи

Становление единой русской национальной культуры, происходившее в XIV–XVI вв., сопровождалось ростом научных знаний, просвещения, проникновением к нам самых различных произведений. Судя по высокому уровню грамотности на Руси (берестяные грамоты, граффити в церквах), «почитание книжное», в том числе книг естественно-научного и медицинского содержания, было распространено достаточно широко. Среди таких книг, небезынтересных для истории анатомо-физиологических знаний, следует отметить сочинение Федора Грамматика, посвященное описанию строения некоторых животных, «Аристотелевы Врата» и «Проблемы Аристотелевы», содержавшие определенные анатомо-физиологические сведения, «Поучение о душе» Эразма Ермаля.

Важно упомянуть «Люцидарий» («Просветитель»), сборник естественно-научных познаний средневекового европейского Запада, переведенный на русский язык псковским наместником Георгием Токмаковым, другом доктора Николая Булева, «Азбуковник», составленный с целью толкования непонятных слов и выражений и превратившийся в целую энциклопедию, главным образом по естествознанию, различные апокрифы (произведения на библейские темы, признанные недостоверными и отвергавшиеся церковью) и др.

Христианская книжность этого периода оказывала все большее влияние на жизнь. Сведения, содержащиеся в рукописях естественно-научного и медицинского содержания, становились определяющими в практике пользовавшихся ими лекарей. Что очень важно, через все эти сочинения приходили в средневековую Россию отзвуки передовых гуманистических идей западноевропейского Возрождения.

Об уровне медицины и хирургии в России в XIV–XVI вв. свидетельствуют дошедшие до нас старинные рукописи медицинского содержания. Вот, например, рукописи, происшедшие из крупнейшей православной обители Северной Руси – Кирилло-Белозерского монастыря. Изучив эти рукописи, монах Ефросин в конце XV в. отобрал наиболее интересные, по его мнению, и составил из них сборники, своего рода «библиотеку в миниатюре», отражавшую неканонические воззрения образованного человека российского Средневековья. Четыре сборника Ефросина (из шести сохранившихся) находятся в собрании Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

При знакомстве с ефросиновскими сборниками поражает не только широта взглядов их составителя, но и бесконечное разнообразие привлеченных и переработанных материалов. В сборниках Ефросина отобразились все популярные «научные энциклопедии» Древней Руси. В них находятся и такие медицинские сочинения, которых не было ни в Палее, ни в одном из «Шестоднегов», ни в «Физиологе». Говоря об этих сочинениях, Т. Райнов отмечал, что они «отличаются совершенно трезвым натуралистическим характером. В них нет никаких богословско-символических, мистических элементов». Из сочинений античных авторов византий-

¹⁵⁷ Рихтер В. М. Указ. соч. Ч. 1. С. 133.

¹⁵⁸ Там же. С. 117, 130.

ские компиляторы и русские переводчики выбирали высказывания, согласные с буквой христианского учения. Для Ефросина же библейская и апокрифическая, античная и современная литература была прежде всего источником знаний¹⁵⁹.

В самом раннем сборнике Ефросина, датируемым 1450–1470 гг., содержится сочинение медицинского характера – «Галиново на Ипократа». Это же сочинение – рукопись «Галиново на Ипократа» (комментарии Галена к сочинениям Гиппократов), написанную в XIV–XV вв. – известный русский историк Н. М. Карамзин обнаружил в православном Кирилло-Белозерском монастыре. Такая же рукопись, но уже XVI в., была найдена в Троице-Сергиевой Лавре.

Существуют разные мнения о происхождении «Галиново на Ипократа». Так, историк биологии Т. Райнов (1940) в качестве источника называл сочинение «О природе человека» – комментарий Галена к одноименному произведению Гиппократов или его ученика и последователя Полиба (IV в. до н. э.). Российский историк Г. М. Прохоров (1981) указывает на другой возможный источник – Диоптру Филиппа Монотропа, сочинение византийского автора XI в., которое появилось у нас в переводе не позднее конца XIV в.

Карамзин сделал выписки из этой рукописи, представлявшей собой перевод с латинского рассуждений Галена о стихиях большого и малого мира и о теле и душе человека: эти рассуждения соответствовали сочинениям Гиппократов, которые, в сущности, и пересказывал Гален.

Считается, что автором «Галиново на Ипократа» был игумен Кирилло-Белозерского монастыря св. Кирилл: труд этот был предназначен для нужд монастырской больницы. Следует отметить, что перевод св. Кирилла включал далеко не весь достаточно большой античный труд – ведь оригинал комментариев Галена к сочинениям Гиппократов составлял около 30 книг¹⁶⁰. Не исключено, что св. Кирилл сам отбирал из этого труда для своего перевода то, что считал наиболее полезным для монастырских врачей; впрочем, могло быть и так, что сокращение античного труда было произведено еще до св. Кирилла.

Кирилл, известный в миру как Кузьма, родился в Москве в 1337 г. Здесь же, в Симоновском монастыре, он принял монашеский постриг, а впоследствии стал архимандритом. Культурный и образованный человек, ученик св. Сергия Радонежского, Кирилл был автором ряда сочинений – «Нравоучительных посланий» к великому князю Василию Дмитриевичу, к князю Юрию Дмитриевичу Звенигородскому и князю Андрею Дмитриевичу Можайскому, а также «Устава монастыря», «Посланий» и др.

Кирилл, однако, не любил шумной жизни и искал уединения: поэтому, оставив Симонов монастырь, Кирилл поселился в пещере и ушел в обитель «для безмолвия» на Белоозеро к озеру Сиверскому. Именно здесь он основал монастырь и долгие годы был его игуменом. В этом монастыре (он получил затем имя Кирилло-Белозерского и стал одним из центров духовности на Руси) Кирилл основал и собрал большую библиотеку, которая постоянно пополнялась, в том числе и за счет переписки книг и рукописей монахами и самим игуменом монастыря (это ценнейшее собрание находится сейчас в Санкт-Петербурге, в Российской национальной библиотеке). Умер Кирилл в 1427 г. в возрасте 90 лет¹⁶¹.

«Между славянскими или русскими переводами древних авторов, тогда известными и сохранными в наших библиотеках, – писал Н. М. Карамзин, – наизусть Галеново рассуждение о стихиях большого и малого мира, о теле и душе, переведенное с языка латинского, коим, вопреки сказанию одного иноземца-современника, не гнушались россияне: еще скудные средствами науки, они пользовались всяким случаем удовлетворять своему любопытству; часто искали смысла, где его не было от неразумия писцов или толковников, и с удивительным терпением списывали книги, исполненные ошибок. Сей темный перевод Галена находился

¹⁵⁹ Поддубный М. В., 1985.

¹⁶⁰ Клавдий Гален. О назначении частей человеческого тела / под ред. Терновского В. Н. М., 1971. С. 28.

¹⁶¹ Клавдий Гален. Указ. соч. С. 26.

в числе рукописей св. Кирилла Белозерского: следственно, уже существовал в XV веке»¹⁶². Впрочем, Карамзин считал, что это древний перевод, относящийся к XIV или XV в., так как св. Кирилл Белозерский скончался в 1428 г. Не исключено, однако, что относящаяся к XV в. рукопись «Галиново на Ипократа» на самом деле переведена гораздо раньше, до историков дошел не первоначальный и, во всяком случае, не самый старый список этой рукописи.

«Мир от четырех вещей составися: от огня, от воздуха, от земли и от воды, – цитировал Карамзин найденную им рукопись, – составлен же бысть и малый мир, сиречь человек, от четырех стихий, сиречь от крови, от мокроты, от чермных желчи и от черной. И убо кровь видением червлена, вкушением же сладка, подобной убо есть воздуху, мокра и тепла. Флегма же, яже есть мокрота, видением бела, вкушением же слана, подобна убо есть воде, яко мокра и студена. Черная желчь видением желта, вкушением же горька, подобна убо есть огню, яко суха и тепла. Черная желчь видением черна, вкушением же кисела, подобна убо есть земли, яко суха и студена. Сим убо стихиям, умаляющимся или умножающимся, или одебеливающимся выше естества своего, или переменяющимися и отступившим от своих им мест, проходящим в необычные места, многообразно и многообразно отворяют человека болезни»¹⁶³.

Нетрудно убедиться, что все это в полной мере соответствовало тому, что писал в своей книге «О природе человека» Гиппократ: «Тело человека содержит в себе кровь, слизь и желчь, желтую и черную; из них состоит природа тела, и через них оно и болеет, и бывает здоровым... Болеет же тело тогда, когда какой-либо из этих частей будет или меньше, или больше, или она отделится в теле и не будет смешана со всеми остальными...»¹⁶⁴.

Далее, отмечал Карамзин, в рукописи не так ясно, и много описок. Следуют вопросы и ответы. Например: «Что есть здравие? благорастворении стихий, от них же составлено есть тело... Что есть врач? естеству служитель и в болезнях сподвижник; и совершен убо врач, иже видением и деянием искусен: изряднейший же, иже вся творяй по правому слову»¹⁶⁵.

Все это тоже повторяло Гиппократ, который, в частности в книге «О врачах», писал: «Врачу сообщает авторитет, если он хорошего цвета и хорошо упитан, соответственно своей природе... Затем, ему прилично и держать себя чисто, иметь хорошую одежду... Должно также ему быть благоразумным... по своему нраву человеком прекрасным и добрым и как таковой значительным и человеколюбивым... Вот этими-то доблестями души и тела он (врач. – М.М.) должен отличаться»¹⁶⁶.

Список рукописи «Галиново на Ипократа», который обнаружил Н. М. Карамзин, был, очевидно, не вполне качественным, хотя целиком отражал первооснову – сочинения Гиппократа в переложении Галена.

Другой, по-видимому, список этой древней рукописи, гораздо более подробный, анализировал историк медицины Л. Ф. Змеев. «Мир из четырех вещей, огня, воздуха, земли и воды, – цитировал Змеев, – и малый мир – человек из четырех стихий: крови, мокроты, черной и желтой желчи». Это была опять-таки известная гиппократовская формула о четырех кардинальных соках (стихиях). Далее, по Змееву, в рукописи дана характеристика каждой «стихии», целиком совпадавшая с тем, что писал Карамзин.

В полном соответствии с учением Гиппократа утверждалась роль этих «стихий» в возникновении болезней: «Сим убо стихиям умаляется или умножается или одебеливается выше естества своего или переменяется, или отступившим от своих мест и проходящим в необычай-

¹⁶² Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. X. СПб., 1824. С. 263.

¹⁶³ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. X. Примечания к X тому. С. 138.

¹⁶⁴ Гиппократ. Избранные книги. М., 1936. С. 198–199.

¹⁶⁵ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 137–138.

¹⁶⁶ Гиппократ. Указ. соч. С. 96–97.

ные места многообразна и много и различна створяют человека болети, речем убо где и в коех местах пребывает».

После перечисления патологии, возникающей у юношей, мужей зрелого возраста и стариков, рассматривалось влияние на ее возникновение времен года: «Аще убо пролетное время – кровь повинна; лето – чермная желчь повинна. Аще ли зима – мокрота повинна есть».

И здесь рукопись практически повторяла то, о чем говорил в книге «О природе человека» сам Гиппократ¹⁶⁷. Соответствовали учению Гиппократа и некоторые лечебные рекомендации.

Впрочем, в рукописи содержались не только лечебные, но и, так сказать, гигиенические рекомендации. Хотя и они в основном сочетались с рекомендациями Гиппократа, высказанными в книге «О здоровом образе жизни»¹⁶⁸, но содержали ряд особенностей, связанных прежде всего с условиями жизни в России – более суровым климатом, иным рационом питания и пр. Например, весной «пища же зелие тепло, бежати же сырости рыбная и вина тепла и вечерняя поздна». Напротив, летом «подобает себя успокоити и не ясти огребатися елика суть люта, и пити подобает воду студену и вечерняя поздна отлучитися, ясти же рыбы студены мало»: при этом целесообразно «очищения же утробы и пущения крови бежати». Осенью следовало «не вкушать: овощей и студенох вод и множества вина и утренних и студенох»; давался также совет «хранити себя от гнева и ярости и всяких сней множества». Зимой предлагалось «ясти елика иметь теплоту» – перечислялись горчица, редис, лук, чеснок, мускатные орешки, питье укропа с медом и пр.

Некоторые важные теоретические положения преподносились как ответы на вопросы. Так, на вопрос: «Когда здравствует человек и когда изнемогает?» – следовал ясный и четкий ответ: «Здравствует же убо когда состательно по силе и равностоятельнее стоят четыре стихии во всем равенстве же и утишье». А на вопрос: «Что есть здравие?» – следовало тоже вполне логичное гиппократовское объяснение: «Здравие есть благорастворение первым от них же составлено тело, от благосухого, студеного, мокрого».

Не подлежит сомнению, что рукопись «Галиново на Ипократа» была предназначена тем русским лекарям, которые занимались медицинской практикой, были ли они учеными монахами или профессиональными лекарями: скорее всего, все-таки рукопись была рассчитана на профессионалов. Об этом свидетельствует, в частности, важный для понимания ее адресности вопрос «Что есть врач?». Ответ – целиком в духе высказываний Гиппократа о предназначении врача: «Врач есть естеству служитель и в болезнях подвижник и свершен быть врач иже видением и деянием искусен, изряднейших иже все творяй врачевание по правому слову». И далее – тонкое и точное определение медицины: «Врачество есть хитрость (ум, знание. – М.М.), мера здравствующим и исцелительство болящим»¹⁶⁹.

Выдержки из еще одного, по-видимому, древнейшего списка «Галиново на Ипократа» (из сборника Ефросина), приводит М. В. Поддубный: здесь содержится примерно то же самое определение медицины: «Врачество есть художество: мера здравствующим, исцелитель болящим»¹⁷⁰.

Кстати сказать, в соответствии с учением Гиппократа действовали и древнерусские хирурги – резалники. Это касается, в частности, рекомендаций, содержавшихся в «хирургических» сочинениях Гиппократа, – эти рекомендации, очевидно, хорошо знали резалники.

Как установил известный историк медицины Н. А. Богоявленский, условием, без которого, по мнению резалников, невозможно было заживление, считалась перевязка – «обязание», «обяза», «прибой», «привуза», «обитие». Материалом служили полотно, холст,

¹⁶⁷ Гиппократ. Указ. соч. С. 201–203.

¹⁶⁸ Гиппократ. Указ. соч. С. 215–220.

¹⁶⁹ Змеев Л. Ф. Русские врачевники. СПб., 1895. С. 242–245.

¹⁷⁰ Поддубный М. В. Советское здравоохранение. 1985. № 7. С. 68.

«убрусы» (полотенца), «понявицы», «волна овчая» (шерсть), «баволна» или «вамбак» (вата). «Обязание» делалось «крепкое» с обильным орошением раны «олеем» (маслом) растительным или животным. На повязку рыхло накладывались «покроми» (кромки) сукон домотканых, покупных, часто разноцветных. Для иммобилизации «утомленных» конечностей употреблялись лубок («лубяница», «лубина», «лычина», «лыко»), «корста березовая» (береста), «скепа» (щепа, дранка). При пупочных грыжах пользовались «поясом кожаным широким»¹⁷¹.

Об использовании лечцами-резалниками различных повязок свидетельствуют древнерусские летописи. Так, о постоянной повязке на темя по поводу врожденной мозговой грыжи, сделанной князю Всеславу (1044), говорится в «Повести временных лет»: «Бысть ему язвено на главе его, рекоша боволсви матери его: «Сеязвено навязи на нь, до носить е до живота своего, еже носить Всеслав и до сего дня на себе»¹⁷².

Прямые упоминания Гиппократ (его именовали Ипократом, Панкратом и пр.), ссылки на его врачебный опыт содержались и в ефросиновских сборниках, и в целом ряде других старинных медицинских рукописей – их число было немалым. Таковы многочисленные «Вертограды» (цветники), «Зельники» (травники), «Лечебники» (врачебники, целебники): первоосновой всех этих медицинских сочинений были сочинения древних и многовековой опыт народной медицины.

Дошедшие до нас российские медицинские рукописи – первоначально они назывались зельники (от зелье-снадобье), потом травники, цветники, вертограды, врачебники, лечебники, целебники – были своеобразными медицинскими справочниками, сводом знаний, сборниками сведений по различным вопросам медицины: такими же были и большинство тогдашних европейских врачебников. Все российские медицинские рукописи являлись переводами, считал Л. Ф. Змеев (1895), и с этим, вероятно, можно согласиться.

Так, в «Благопрохладном Цветнике» или «Травнике», большой рукописи с рисунками (ее считают одним из древнейших травников), описывались многие лечебные травы, в том числе и те, что начал применять еще Гиппократ, а далее шли советы по лечению тех или иных болезней и теоретические обобщения, например, «о четырех составах круга летнего по Ипократу». Рукопись была переведена в 1534 г. с немецкого издания, вышедшего в Любеке в 1492 г. Это сочинение «в 1661 г. было представлено в Аптекарский приказ подъячим Матвеем Львовым, причем доктора, лекари и аптекари приказа признавали, что перевод соответствует латинскому подлиннику и весьма полезен для научения»¹⁷³.

Более древним, очевидно, является сборник медицинского содержания (он хранится в Российском государственном архиве древних актов), в тексте которого указывается, что перевод был частично сделан «з латинских книг с польскаго языка» и частично «от римского языка» в 1487 и 1490 гг. Этот сборник содержит главным образом предписания гигиенического и лечебно-предупредительного характера¹⁷⁴.

Старинный переводной лечебник, который назывался «Сказание о пропущении вод из трав на врачевание людем испытано мудрыми дохтуры изложено по азбуце», прокомментировал Н. А. Богоявленский (1947). Основой послужил народный немецкий лечебник *Spiegel-Arztnei* 1530 г., переведенный на чешский язык в 1550 г. и на русский в 1530–1540 гг., возможно, в Новгороде. В этом лечебнике, как и в других русских рукописных лечебниках, относящихся к XVI–XVIII вв., многое и весьма существенное к описываемым методам лечения прибавляли неизвестные, но, видимо, компетентные в вопросах врачевания переводчики.

¹⁷¹ Богоявленский Н. А. // Вестник хирургии. 1958. № 7. С. 135.

¹⁷² Повесть временных лет. М.—Л., 1950. С. 104.

¹⁷³ Змеев Л. Ф. Русские врачебники. СПб., 1895. С. 22.

¹⁷⁴ Поддубный М. В. // Советское здравоохранение. 1987. № 7. С. 66–67.

Характерно, что во всех лечебниках уделялось большое внимание хирургии, прежде всего лечению различных ран, в том числе огнестрельных: «Многочисленные указания лечебников на выведение из ран «стрел и пулек», названных «ядрами пищальными», или упоминания о ранах «стреляных, где лежит ядро или железа», – говорят только или преимущественно за военно-полевое происхождение подобных повреждений»¹⁷⁵.

В этом, как и в некоторых других рукописных лечебниках, которыми пользовались тогда различные лечцы, в том числе резалники, раны различались «стреляные», «сеченые» и «колотые», причем особое внимание обращалось не на «свежие» раны, а на часто встречающиеся осложнения – «старые», долго не заживавшие раны. Для перевязки использовались или высушенные мицелии гриба, «губы дождевки», или «древесный мох», собранный преимущественно «с дерев благовонных»: этот мох считался, кроме того, хорошим гемостатиком, так как «мох древесной заключает всякое течение крововое аще его прикладываем или внутрь приемлем». Раны и язвы орошали разными целебными жидкостями. Использовали примочки и промывания посредством увлажненного «плата», «тафты» или «ветоши платяной чистой», сложенных обязательно «вдвое-», «три-» или «четверосугубно». Применяли присыпки, например, «порохом коры березовой толченой», окуривание ран дымом при сжигании, например, «смолы галбановой». Глубокие раны («фистилы») подвергали спринцеванию посредством «крестиума» или «крестера». В большом ходу были «леваши» – пластыри, а также непосредственное прикладывание к ранам различных частей свежих целебных растений. Вообще растительные лекарства, вместе с веществами химической природы (минералами, солями тяжелых металлов, некоторыми сложными органическими веществами), составляли тогда (да и потом тоже) основной арсенал использовавшихся средств лечения.

Что касается общей оценки хирургических знаний в России XVI–XVII вв., то интересным, хотя и, по нашему мнению, не вполне обоснованным, представляется мнение известного историка медицины Н. А. Богоявленского.

«Несмотря на некоторую осведомленность русского лечца в области “теории” хирургии, само хирургическое лечение допетровской эпохи отличалось значительным консерватизмом, – полагал Богоявленский. – Если не считать активного вмешательства при чумных бубонах (“просечение их топорком”) и случаев кровопускания, то все оно почти сводилось к обработке ран и язв. Некоторые хирургические операции, даже такие, как ампутация конечностей, были небезызвестны народной медицине. Но упоминания о них в тексте приводятся попутно, мимоходом. Сами русские врачи не ставят эти радикальные мероприятия своей целью, не стремятся к ним, а самих себя прямо противопоставляют хирургам – “мастерам кои раны лечуть”. О зашивании ран русская народная медицина знает, но об иглах и швах в рукописях нет упоминаний. Костные переломы, несомненно, успешно лечились русскими врачами, но ни одного типа неподвижной повязки в лечебниках не приведено... Это был младенческий период русской хирургии. Эмпирические познания находились в процессе медленного накопления»¹⁷⁶.

Полагаю, что все-таки этот возраст русской хирургии вряд ли правильно называть «младенческим» – скорее, он был ближе к «подростковому».

В самом деле, так называемая «массовая» хирургическая помощь в России тогда не намного отличалась от таковой в странах Европы. Например, ампутации конечностей («оттирания»), о которых в летописях упоминалось «попутно, мимоходом», – эти сложнейшие по тем временам операции хотя и нечасто, но все-таки производились русскими резалниками, об этом сохранились исторические свидетельства. Раз делали средневековые лечцы «сшивание» ран – значит, использовали они и соответствующие инструменты и приспособления (иглы,

¹⁷⁵ Богоявленский Н. А. // Вестник хирургии. 1947. № 6. С. 47.

¹⁷⁶ Богоявленский Н. А. // Вестник хирургии. 1947. № 6. С. 50–51.

нити и пр.). Операции производили «на лавке лекарской» (операционном столе). Для транспортировки раненых с переломами конечностей и их лечения применяли шины из различных подручных предметов – об этом тоже упоминалось в летописях. Не было, правда, у нас тогда профессоров хирургии – так и в Западной Европе, несмотря на многовековое существование университетов, они насчитывались буквально единицами. Не было и «братств хирургов» – только потому, что разделение медицины и хирургии было неведомо в России ни тогда, ни потом...

В XVII в., да, пожалуй, и еще раньше, распространенным медицинским сочинением был «Прохладный Вертоград». В этой рукописи, представлявшей собой своеобразную «фармакопею», содержались сведения о лечебном действии многих лекарств, приготовленных из растений, животных, минералов и пр. В конце рукописи были чисто «терапевтические» разделы, например, «О науке и о знаменах в людских немощах, по некоторым знаменам подлинным, по науке лекарской, здорового или нездорового человека», или «О познании пако познати воду человеческую (мочу. – М.М.) в склянице», или «О науке врача Моисея Египтянина по Александру царю Македонскому»: последний раздел, кстати, был составлен в явном «гиппократовском» духе и содержал полезные гигиенические наставления, связанные с едой и образом жизни в различные времена года¹⁷⁷.

«Прохладный Вертоград» был известен в нескольких списках, отличавшихся друг от друга. Так, В. Ф. Груздев в своей диссертации «Русские рукописные лечебники» (1946) анализировал, очевидно, еще один список «Прохладного Вертограда», который был, по его мнению, переводным произведением и в котором были прямые ссылки на Гиппократов, Авиценну и других авторитетов медицины. (Как указывалось выше, «Прохладный Вертоград» еще в 1534 г. на русский язык с немецкого перевел доктор Николай Булев.)

Близким к «Вертограду» по содержанию, т. е. лечебником, было вышеупомянутое «Сказание о пропущении вод». Этот лечебник, переведенный с немецкого языка, представлял собой (впрочем, как и «Вертоград») концентрацию всех передовых достижений тогдашней медицинской мысли Западной Европы¹⁷⁸.

Переводным был и «Лечебник изображенный от многих философов, от мудрых лекарей перепись всяким зельям от всяких недугов» (XVII в.). Характерно, что уже в самом начале этой рукописи, в гл. 2, говорилось: «Филона» Ипократов седьми верст рече быти человеку и о сотворении малого мира сиречь человека»¹⁷⁹.

Различные списки этих медицинских сочинений отличались друг от друга: очевидно, позднейшие из них постоянно обновлялись. Но суть их, прослеживаемая в описании теоретических вопросов, в ссылках на достижения врачей древности, прежде всего Гиппократов и Галена, оставалась одной и той же.

Возникновение лечебников (русских врачебников) Л. Ф. Змеев относил к концу XV столетия. Есть, однако, веские основания считать, что они появились гораздо раньше.

Бесспорно, очень многие старинные медицинские рукописи, которые существовали в раннее Средневековье, не дошли до нас. Так, В. М. Флоринский, описывая «Зелейник, или Травоврач», нашел, что в заголовке указан год 1306, т. е. начало XIV в.: он вполне оправданно считал, что эта дата имеет большое значение «как намек на сохранившееся у переписчика предание о времени происхождения первых рукописных русских травников»¹⁸⁰. Конечно же, были и еще более древние рукописи.

¹⁷⁷ Флоринский В. М. Русские простонародные лечебники и травники. С. 17–195.

¹⁷⁸ Богоявленский Н. А. Отечественная анатомия и физиология в далеком прошлом. Л., 1970. С. 53.

¹⁷⁹ Змеев Л. Ф. Русские врачебники... С. 169.

¹⁸⁰ Флоринский В. М. Русские простонародные лечебники и травники. С. XI.

Коль скоро ученые монахи, успешно занимавшиеся врачеванием в Древнерусском государстве, пользовались сочинениями Гиппократ и других древних врачей, логично предположить, что именно они, наряду с «писцами» Ярослава Мудрого были авторами переводов этих сочинений на русский язык. Переводы эти, как уже указывалось, были, скорее всего, «авторизованными».

И впоследствии, на протяжении веков, многочисленные переводчики и переписчики, продолжая эту линию, настолько «авторизовали» их (внося туда, например, различные дополнения, адаптировавшие текст к местным условиям), что это были уже, по сути, новые произведения, хотя и сохранявшие в основном свою первоначальную научно-медицинскую сущность: они представляли довольно стройную систему медицинских знаний того времени, в которой Гиппократ и Гален занимали достойное место. В общем, в этих медицинских рукописях содержался еще и богатейший опыт народной медицины, и русских лекарей (лечцов), освященный, однако, сочинениями классиков древней медицины.

Именно так, очевидно, и родились рукописные русские медицинские книги – учебники, лечебники, травники, которые на протяжении столетий служили руководством и для медицинской практики, и для обучения (по методу «ремесленного ученичества», а затем и в медицинской школе) российских лекарей.

Медицинские проблемы затрагивались не только в специально медицинских сочинениях, но и в книгах «энциклопедического» содержания. Так, в середине XVII в. Арсений Сатановский перевел в Москве с латинского языка книгу «О граде царицы, или Поучения некоего учителя, именем Мефрета, собрана от 220 творцев греческих и латинских, как внешних философов, стихотворцев и историков, врачей... Эта книга носила действительно энциклопедический характер и содержала много сведений о «врачевания на многовидных болезни»¹⁸¹.

Существовало, правда, мнение¹⁸², что лечебники, учебники, вертограды и прочие чисто медицинские сочинения предназначались для простого народа, для самолечения. Однако вряд ли это так. Еще в конце XIX века Л. Ф. Змеев (1895) убедительно доказал, что это были вполне научные книги, они существовали на многих языках. Можно добавить, что «Прохладный Вертоград», в частности, который разошелся по России чуть не в сотне списков, был учебной и настольной книгой в первой русской медицинской школе Аптекарского приказа (XVII в.).

Несколько иную, но похожую точку зрения высказывал, как ни странно, известный знаток древнерусской медицинской письменности В. М. Флоринский. В своей книге, многозначительно названной «Русские простонародные лечебники и травники» (1880), он писал: «С течением времени, когда в русскую жизнь стали проникать от цивилизованных соседей более выработанные медицинские понятия, где медицина имела уже значение науки, лечебники должны были изменить свой характер и принять более систематическую форму. В это время явились сочинения, переведенные или переделанные с иностранных языков, носящие отпечаток медицинской школы или греческо-римского периода, или периода арабского, нередко со ссылками на авторитет, например, Галена, Цельса, Авиценны и пр. Эти сочинения представляют уже... стройную систему медицинского учения того времени»¹⁸³. И с этой точкой зрения согласиться трудно.

Лечебники эти предназначались, по-видимому, только для профессионалов-медиков; если же они попадали «в чужие руки», даже в руки аристократов из ближайшего окружения великого князя или царя, это ставилось тем в вину. Так произошло, например, уже в XVII в., в 1676 г., когда лекарь Давидко Берлов и карлик Захарка возвели напраслину на ближ-

¹⁸¹ Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в трех томах. Т. III. М., 1953. С. 217.

¹⁸² Рихтер В. М. 1820; и др.

¹⁸³ Флоринский В. М. Русские простонародные лечебники и травники. С. II.

него боярина Артамона Сергеевича Матвеева, любимца скончавшегося незадолго до того царя Алексея Михайловича. Боярину ставилось в вину, что он хранил «тетрадку» (лечебник): «А в той тетрадке писаны приемы от всяких болезней и подмечены те статьи словами циферными для прописки лекарств»¹⁸⁴. Боярина Матвеева сослали в Пустозерский монастырь, а его имение отобрали в казну.

И это был не единичный случай. В 1677 г. боярин князь Я. Н. Одоевский вел «сыскное дело» в связи с тем, что у кабальных людей стольника Ф. Т. Зыкова нашли книги, «каковы были у боярина у Артамона Сергеевича Матвеева», в том числе лечебники. Приговор был жестоким: «Подъячаго Карпушку Тараканова за заговорныя письма, которыя он списывал из лечебника у подъячаго у Якушки Штуки, и тот лечебник отдал Мишке Сващевскому, да за заговор от трясовицы бить кнутом и сослать в Астрахань на вечное житье, а лечебник с заговорными письмами и заговор от трясовицы сжечь»¹⁸⁵.

Подобное поведение властей было отнюдь не случайным. «Особый страх по отношению к медицинским рукописям, – считал историк медицины М. Ю. Лахтин, – был обусловлен еще тем обстоятельством, что в них содержались указания способов воздействия на здоровье людей, что при господствовавшем в то время страхе перед чародейством вызывало опасения, как бы лица, владеющие медицинским знанием, не стали вместо лечения заниматься порчею людей»¹⁸⁶.

Лечебные рекомендации

В лечебной практике древнерусских лечцов и резалников преобладали рациональные, проверенные временем методы, о которых рассказывалось в медицинских рукописях. Так, заболевание, которое современные медики называют цингой, наши древние коллеги побеждали настоем шиповника, чесноком, луком. Кстати, лук считался универсальным средством, о нем даже сложили поговорку: «Лук от семи недуг». Деготь выручал от кожных болезней, морковь – от малокровия, семенами тыквы изгоняли глистов. Есть мнение, что существовал даже сложный отвар, в состав которого входила ртуть: его применяли при «прилипчивых» (венерических) заболеваниях.

Довольно много места в медицинских рукописях отводилось хирургии, в частности лечению ран, причем преобладали почти исключительно консервативные методы лечения, с использованием различных мазей. Вот, например, как рекомендовалось в одном из лечебников лечить «рану всякую сеченую и стрельную и колотую» с помощью мази: «Возьми олфы, да терпентины, да ладану белого немного, да яри немного, только бы масть зелена, а коли не будет терпентины, ино приложите козловаго масла, а тою мастию наперед прикладывати ко всякой нечистой ране колотой или фрянцузной, а тою мастию мажучи пущати к ночи в рану»¹⁸⁷.

А вот что предлагалось в том случае, «коли рана единится и не живет или огонь в ней», т. е. для лечения раневых осложнений: «И ты возьми усусу винного, да белила, да квасцев, да свинцу, да вари вместе, да мешай, как простынет, да смачивай плат, к ране прикладывай, до тот плат изгибай вдвое или втрое, ино вода из плата не борзо высохнет». Или еще один рецепт: «Аще у кого рана гниет, а не живет, а болит добре и рвет, указ: винного усусу, да полыню, да поцелу мелково, да наряди с того пластирь, да кривей на суставы, ино болеть выйдет»¹⁸⁸.

¹⁸⁴ История о невинном заточении ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева. СПб., 1776. С. 3.

¹⁸⁵ Лахтин М. Ю. Старинные памятники медицинской письменности. СПб., 1911. С. XI.

¹⁸⁶ Там же. С. 14.

¹⁸⁷ Лахтин М. Ю. Старинные памятники... С. 10.

¹⁸⁸ Лахтин М. Ю. Старинные памятники... С. 17.

Если в ране были какие-то инородные тела, следовало, по данным другой рукописи, действовать так: «Аще хоцещи ядро вывести из человека пищальное или железцо стрелное, возми камен магнист да сотри его мелко да смешай его с ужовым салом, да мажи на ужову кожу, да приложи к ране, ино в третий день и выйдет вон, а на день прикладывай по дважды, а будет в костех и ты боле прикладывай»¹⁸⁹.

Применение некоторых лечебных средств должно было сопровождаться заговорами. С конца XVII в. (это отмечал, в частности, историк медицины М. Ю. Лахтин) в лечебниках встречается чрезвычайно много «врачебных» молитв и знахарских заговоров, заимствованных частью из народной эпической старины, частью из книг апокрифических: все эти молитвы и заговоры были, конечно же, своеобразными психотерапевтическими лекарствами и порой помогали больным.

Вот, например, «аще будет человеку гнилец в болячке и в ране, и ты лечи так: сделай щелоку сильного вельми, вязового поцелу, да тот щелок вари много, да тем целоком вели тепло вымыта болячку, да, вымыв болячку, присыпяти корпузовым тертым и как тем щелоком и корпузовым чистить язву гораздо, и ты возьми белила серебряна, да масла деревянного, да смешай с белком вместе и тем привей к боляце, а та лечьба поможет и ране, в которой волос будет человеку, а та есть цельба немецкая». Этот «зарубежный» метод лечения следовало обязательно сопровождать заговором: «дивен муж, а у него девять жен, а от 9 – 8-я, от 8 – 7-я, от 7-й – 6-я, от 6-й – 5-я, от 5-й – 4-я, от 4-й – 3-я, от 3-й – 2-я, от 2-й – 1-я – и ниодное, как те жены погибли, так ты болячка погибни во веки веков аминь»¹⁹⁰.

Что оказывало на нагноившуюся рану большее действие – то ли сильный щелочной раствор, то ли другие компоненты предлагавшегося лекарства, то ли психотерапевтический заговор – сказать трудно...

Рациональными, по-видимому, были предлагавшиеся методы лечения вывихов и переломов. Так, «аще коли кто руку или ногу вывихнет, пари его в мыльне, да поправи, возми винного усусу, да полыню, да поцелу мелкого, да наряди с того пластырь, да привей на сустав – ино болеть выйдет». Здесь обращает на себя внимание рекомендация производить вправление вывиха в парной бане. В то же время при лечении переломов («изломов») не было и речи о коррекции – предлагалось лишь использовать различные мази или другие лекарства, нанося их на место перелома, и такая, например, общая рекомендация: «Коли человек изломит руку или ногу, яждь медь тертую в яйце в смятке, паки срстется»¹⁹¹.

Небезынтересно, что на это же обращал внимание, анализируя другие старинные медицинские рукописи, и историк медицины В. М. Рихтер. «Мази от перелому кости составляли прежде обыкновенное лекарство, – отмечал Рихтер. – Хотя при этом случае ни слова не сказано о лубках и прочем снаряде для простой перевязки, однако из предложенных наставлений явствует, что перевязка, обхватывавшая перелом, не должна быть снимаема, и что следовательно покой и содержание в одном и том же положении страждущего члена были уже тогда необходимым условием при употреблении сих мазей»¹⁹². Мази эти готовились из пива и меда, наносились на холстину (бинт) и прикладывались к месту перелома: повязка не снималась до полного излечения.

Вообще говоря, передовые идеи в области медицины в то время находили отклик у российских врачей: знакомились они с этими идеями и по переводам сочинений выдающихся врачей. Так, в XVII в. известный русский ученый Епифаний Славинецкий переводил труд А. Везалия «Врачевская анатомия» («О строении человеческого тела»). Есть сведения, что

¹⁸⁹ Богоявленский Н. А. Индийская медицина в древнерусском врачевании. Л., 1956. С. 53.

¹⁹⁰ Лахтин М. Ю. Старинные памятники... С. 20, 61.

¹⁹¹ Там же. С. 20, 61.

¹⁹² Рихтер В. М. Указ. соч... Ч. 1. С. 114.

примерно тогда же русские лекари стали употреблять лечебные средства, предложенные Парацельсом (и, следовательно, в какой-то мере были знакомы с его сочинениями). Так, в апреле 1645 г. доктора Аптекарского приказа назначали при заболевании уха эликсир Парацельса ежедневно или через два дня «в теплом ухе принимать по 9-ти и 11 капель»¹⁹³.

Наибольшее внимание привлекали, однако, различные рукописи, описывавшие те или иные способы лечения болезней.

Российские медицинские рукописи рекомендовали методы лечения нередких тогда огнестрельных ран («Аще хоть ядро вывести из человека пищальное или железцо стрельное»), ожогов («А коли человек изгорит огнем или обварится варом, возьми масло конопляного, и омочи бумаги хлопчатая, и клади на место горелое»), угрей; при некоторых заболеваниях (например, бельме на глазах) рекомендовалось кровопускание («Кровь пустити из главныя жилы добро есть на очию»).

Вот, например, один из лечебников XIII в., который описал в 1872 г. В. Соколов: лечебник хранился в Московской патриаршей (синодальной) библиотеке. Написан он был, очевидно, в 1631 г. мирянином (не монахом) и включал в себя более ранние медицинские рукописи – «Целебник, списанный с печатника Царя Бориса Феодоровича», фармакопею или руководство к составлению лекарств («Фармакопия о составлении лекарств»), другие различные лечебники. «Можно подумать, что составитель бы обложен несколькими лечебниками и выбирал из них то, что ему казалось более важным и, следовательно, необходимым для домашне-врачебного обихода, – отмечал В. Соколов. – Сличение рукописи с другими лечебниками приводит к убеждению, что дело так именно и происходило»¹⁹⁴.

Так как лечебник представлял собой сборник всего более или менее рационального из других медицинских рукописей, анализ его содержания позволяет в определенной степени судить о методах лечения хирургической патологии, использовавшихся в то время. Следует сразу же сказать, что они не так-то и далеко ушли от тех, что применялись за три-четыре столетия до того или даже еще ранее. Вот несколько примеров.

При «волосяном черве» (нагноении раны) предлагалось: «Черные смолы, да собачья сала, да вдвое патоки, и спустить все вместе, да намазать на сухой плат, и приложить к ране, и черви выдут все». Для нагноения и заживления ран рекомендовались «малханы» (пластыри): «Спуск живучему малхану, о заднем проходе и о естестве. Воску полчети гривеки, ино имеется 12 золотников, да серы еловые чистые – и столько ж 12 золотников, – да масла конопляного полгривенки, да растопить в латке глиняной, и, застудя, положите ртути четверть фунта, да терти в латке лопаткою деревянною дни два и больши».

А вот что надо было делать «на болезни гнилые»: «Сделати щелоку каленого вязового пепелу, гораздо варити много... и как тем щелоком и купоросом вычистить рану гораздо до чиста, и сделать масть – белила да масло деревяное или льняное, да тут же прибавити: желчи, меду не отомнога, а не будет желчи, ино сала медвежья немного приложит, а буде волосы растут в язве, и тем же волосы выгоняти и болячку залечите».

Рекомендовались способы лечения осложненных ран. К примеру: «У человека бывает рана, а в ней грыжа, а кругом черленной или синей, и то словоет волк, а много живет в лодышке, в ноге. И та болезнь лечити: из хмелю меллоги добывати сырья и с пером, да ячмени, да куречья калу, и парити в воде дни два и две ночи все вместе, и вложите рану в том зелье прогонять, как мочно терпети, а держати часы три, ино – выведет вон. Потом познаешь, что кровь пойдет». Для очищения ран предлагалось использовать «малхан» (пластырь): «Малхан раны чистит. Патоки полфунта, усусу четверть фунта, яри четыре золотника, квашей два золотника, и все вместе варити в сковородке до тех мест, как станет румяно что сурик»: кстати, это же лекарство

¹⁹³ Материалы для истории медицины в России. СПб. Вып. 2. 1881 г. С. 240.

¹⁹⁴ Соколов В. // Варшавские университетские известия. 1872. № 6. С. 9.

можно было использовать «и у кого десны пухнут, цынга поймают, или десны гниют, и тем мазати».

В лечебнике содержалось еще немало полезного – «лекарства от камчюжные болезни», «кто ногу или руку ошибет, угнет быта на том месте или на берце рана», «аще у которого человека заноза щепы, или качь», «аще ногтоедница будет у руки, или у ноги», «аще угнет по конец перста побаливать», «как ядро и железцо стрельное из человека вынять», «о опухлых ногах, почему разумети оток» и др. Содержались здесь и рецепты: «Мазь базиликом... годится к рубленой ране и головной»; «Мазь белильная... всякую рану и опухоли лечит, да от всякие ожег и от пороговой ожег»; «Мазь чепспяком... годится к старым ранам, и дикое масло сгонит, и рану стрельную лечит»; «Пластырь деминием... раны старыя и свежия и чирьи с кровью вытягивает»; «Пластырь ацыкроцьем... от перелому, и тело мягчит» и т. д., и т. п.

В лечебнике были и прямые указания на то, как следует поступать при тех или иных болезнях, например, «Указ, как великия язвы лечить...», или «Ащели займется задний проход...», или «О кровоупущении» и пр. Тому, кто помогал при лечении ран, в том числе огнестрельных, предназначался такой совет: «Аще ли кого пострелят, и остоится в нем пулька или стрела, ино взять язык заечей сырой или сухой, розмоча его, кстати и приложить к ране: ино выдет вон тотчас». А вот что следовало делать при лечении геморроя: «Аще у которого человека чечуй бывает, и кишки вон выходят, в ренском или в пиве по 1 – золотника не етчи... от нужи в вине... траву чечуйную»¹⁹⁵.

Бесспорно, очень многие старинные медицинские рукописи не дошли до нас, хотя есть все основания считать, что они существовали. Так, В. М. Флоринский, описывая «Зелейник, или Травоврач», нашел, что в заголовке указан год 1306, т. е. начало XIV в.: он вполне оправданно считал, что эта дата имеет большое значение «как намек на сохранившееся у переписчика предание о времени происхождения первых рукописных русских травников»¹⁹⁶. Конечно же, были и еще более древние рукописи.

Не следует, впрочем, идеализировать все без исключения старинные медицинские рукописи. В некоторых из них пропагандировались знахарские, нерациональные и даже вредные способы лечения, предусматривавшие, например, применение экскрементов человека и животных. Очень много было рекомендаций от порчи, колдовства и пр.: это были главным образом заговоры и заклинания. Думается, что все это появлялось в лечебниках благодаря безымянным переводчикам, среди которых попадались, увы, не всегда образованные и даже грамотные люди.

Однако отличительной особенностью старинных медицинских рукописей, и это следует подчеркнуть особо, было то, что в них не содержалось историй о «чудесных исцелениях» – в отличие от старинных летописей религиозного содержания, где порой причудливо перемешивались реальность и легенда.

Так, «Житие Сергия Радонежского» (XIV в.) описывает, как в зимнюю стужу некий богомолец принес в монастырь Троицы в Радонеже больного сына, но за монастырским порогом тот уже не подавал признаков жизни. Отец ушел за гробом, а когда вернулся, застал сына... живым. Молившийся подле Сергий объяснил, что отрок окоченел от стужи, а в теплой келье отогрелся. Богомолец решил, что мальчика воскресила молитва, на что старец сказал: «Прежде бо обычаго воскресения не мощно есть ожити никому же». Неудивительно, что множество больных приходило в Радонеж за исцелением, в уверенности, что там врачуют и душу, и тело¹⁹⁷.

Таково же описанное в Степенной Книге «Чюдо преподобного Никиты Переяславского о исцелении князя Михаила Черниговского». Правда, о болезни князя было сказано лишь, что

¹⁹⁵ Варшавские университетские известия. 1872. № 6. С. 73–89.

¹⁹⁶ Флоринский В. М. Русские простонародные лечебники и травники. С. IV.

¹⁹⁷ Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси. 1991. С. 56.

«случи же ся ему Божиим попушением недугом тяжким одержиму быти, яко и все составы тела его разслабиша» (речь, видимо, шла о психическом заболевании. – М.М.). Лечил его «старец свят и преподобен именем Никита, имея Богом дарованную ему благодать чюдотворения, еще в теле сый, источники целеб изливает приходящим к нему с верою». В конце концов князь выздоровел – «прощен бысть от тяжкаго недуга»¹⁹⁸. Примерно такой же характер носила другая история – об исцелении душевнобольного, тоже изложенная в Степенной гниге, в главе «Чюдеса святых».

«Ин человек, Феодор именем, родом бе града Кашина, служаше вельможе Тверьскому Борису Захарыну, иже бе ему честен и любим. И случися ему ума отступите до толика, яко не ведый, камо грядет, или чьто глаголет, и нелепая глаголаше. Господину же его Борису много бысть попечение о нем, понеже любим бе ему; и врачеве мнози приходяху к нему, ничьтоже пользы сотвориша ему. Последи же прежде ему во ум, и посла клевреты его во град Ярославль в монастырь Святого Спаса, идеж е гроб святых чюдотворцев.

Егда же бывшую ему на пути, нападе на него лют недуг, яко и плоть свою огрызаше и клеврет своих, везущих его, ураняше. Они же едва удержали его и наложиша на него южа железа, тако же и на руку и на ногу. Егда же привезоша его во град Ярославль, и повезоша его в монастырь Святого Спаса с великою нужею: водим бе шестью человек.

Егда же привезоша его в церковь, идеж лежат мощи святых, архимарит же и священники начаша молебны пети о нем Господу Богу и Пречистой Богородицы и святым чюдотворцем; и воду освещав, начаша его кропити. Он же молитвами святых здравым смыслом начать со слезами молится Господу Богу и Пречистой Его матери и святым чюдотворцем и приложился к мощем их.

О неизреченное чудо, братие! И в том часе спадоша южа железныя с выи больного и с руку и с ногу, и абие здрав бысть человек той и умолен цел. Все же, ту видевшие скорее чюдотворение, и удивившася и прославиша Бога и святых Его угодников и чюдотворцев, Феодора и Давыда и Константина. Человек же исцеленный здрав и смыслом отиде в дом свой, радуясь и славя Бога»¹⁹⁹.

Что можно сказать о подобных «чудесных исцелениях», коих немало в древних рукописях религиозного характера?

«Чудеса, – писал известный русский историк В. О. Ключевский, – были естественным выражением веры к святому, распространявшейся в окрестном населении». Что же касается «проверки» этих чудес, то, как замечал Ключевский, «в монастырской братии и среди мирского общества относились неблагоприятно к мысли о такой поверке даже и тогда, когда она выходила не из личного сомнения, а из церковных требований, и производилась церковным порядком»²⁰⁰.

Такова же была точка зрения и историков медицины. «Русские монастыри в XI и XII вв. были единственными местами, где больные могли находить убежище и получать облегчение или исцеление от своих страданий, – считал историк медицины В. Ф. Бушуев. – Слава обителей создавалась главным образом (чудесными) исцелениями больных. На исцелениях же создавалось материальное благополучие монастырей: они привлекали массы богомольцев и прилив пожертвований»²⁰¹. В этом, может быть, и состояла одна из причин происходивших в этих монастырях многочисленных «чудесных исцелений», о которых сообщалось в древних рукописях.

Впрочем, последняя история, о которой говорится в Степенной Книге, для нас ценна тем, что позволяет составить представление об обращении с душевнобольными в средневековой

¹⁹⁸ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908. С. 248.

¹⁹⁹ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908. С. 314.

²⁰⁰ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 420–421.

²⁰¹ Бушуев В. Ф. // Врач. 1901. № 39. С. 1190.

России. Подобное обращение было характерно: это подтверждает описанное в «Житии Варлаама Хутынского» чудесное исцеление некоего простолюдина – жителя Великого Новгорода, «страждующего от духа нечистого», т. е. страдавшего душевным (психическим) заболеванием. Его соседи и друзья, «ердоболя же его женяху за ним и вязаху его путы железными и бяху возложены на нем железа ташка над концы развязавше пожаху его на концы едином по пяти человек»²⁰².

Таким образом, заковывание «в железо» и другие подобные методы обращения с душевнобольными у нас были точно такими же, как и в Западной Европе того времени. Как, впрочем, и рекомендовавшиеся в наших медицинских рукописях методы лечения – хирургические и терапевтические – в сущности мало чем отличались от использовавшихся тогда на Западе.

Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением известного историка древнерусской медицины Н. А. Богоявленского: анализируя русские рукописные лечебники (которые, напомним, как установил еще Л. Ф. Змеев, являлись переводами), он писал: «В отличие от гуманных принципов врачевания на Руси, народной медицине Запада были более свойственны грубые и порой бесчеловечные методы лечения. Именно там господствовал культ каленого железа, широко применялось кипящее масло, мучительные для больного фонтанели, заволоки, моксы и проч. Увлечение кровопусканием при всяких болезнях именно на Западе доходило до *plus ultra*»²⁰³.

²⁰² Житие Варлаама Хутынского. СПб., 1911. С. XXXVI.

²⁰³ Богоявленский Н. А. Врачебное дело. 1948. № 7. С. 641.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.